

ВКЛАД ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Одно лето.
Семь шагов.
Целая жизнь.

СЕРГЕЙ СТАРИДИ

Сергей Стариди
Вклад до востребования

«Автор»

2026

Стариди С.

Вклад до востребования / С. Стариди — «Автор», 2026

Мише шестнадцать. Ему нельзя бегать, волноваться и проверять сердце на прочность. Август 2000 года он проводит у бабушки в Александрове — среди жары, старых дворов, киосков с пломбиром, кассетных плееров, озера и постоянного бабушкиного: «Не бегай». А потом появляется Лера — быстрая, живая, насмешливая. Девочка, рядом с которой хочется забыть все запреты и хотя бы на несколько шагов стать обычным. Кажется, это просто летняя история первой любви. Но в мире «Банка доброго государства» ни одно спасение не бывает бесплатным, ни одна память не исчезает бесследно, а самые короткие расстояния иногда растягиваются на целую жизнь. «Вклад до востребования» — повесть о любви, страхе, долге и семи шагах, которые однажды нужно успеть сделать.

© Стариди С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Не бегай	5
Часть вторая. Ванильного осталось два	37
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Сергей Стариди

Вклад до востребования

Часть первая. Не бегай

Электричка уходила из Москвы медленно, будто тоже не хотела тащиться в эту жару за город.

Сначала за окном ещё мелькали серые платформы, гаражи, стены с облезлыми объявлениями, одинаковые пятиэтажки, заборы, какие-то склады, краны и грязные полосы пустырей, где трава выгорала до цвета старой пакли. Потом всё это стало реже, ниже, просторнее. Между станциями появились дачи, огороды, покосившиеся заборы, берёзы у переездов и женщины с сумками, ждущие, пока электричка прогрохочет мимо и поднимет вдоль насыпи сухую пыль.

В вагоне было душно. Форточки открыли почти все, но толку от них не было: внутрь вривался горячий воздух, пахнувший железом, пылью, чьим-то варёным яйцом и мокрой газетой. На деревянных лавках сидели дачники с сумками, пакеты шуршали, бутылки с водой перекачивались под ногами, какая-то бабка ругалась с мужчиной из-за места, хотя свободных мест хватало. Ей, видимо, нужно было поругаться.

Миша сидел у окна и держал на коленях рюкзак.

В рюкзаке лежали две футболки, шорты, книга, кассетный плеер с наушниками, запасные батарейки, кассета с криво подписанной обложкой «Кино / Сплин / разное» и белый пакет из аптеки. Пакет мать сунула ему перед самым турникетом на Ярославском вокзале, будто без этого пакета поезд мог не тронуться.

— Только не потеряй, — сказала она. — И бабушке сразу отдай. Там всё по списку.

— Мам, я не debil.

— Я знаю, что ты не debil. Поэтому не спорь.

Она хотела добавить ещё что-то, но в последний момент только поправила ему ворот футболки, и от этого Мише стало особенно противно. Не потому, что он не любил мать. Любил. В шестнадцать лет поправленный матерью ворот был почти публичным унижением.

Отец не поехал провожать. Позвонил утром с работы, когда Миша ещё запихивал в рюкзак футболки, и сказал бодро:

— Отдохнёшь, на воздухе побудешь. Там тебе лучше будет, чем в Москве.

Все говорили это одинаково: «тебе лучше будет». Так, будто он сам не мог решить, где ему лучше. Так, будто его жизнь состояла из мест, где ему назначено быть лучше.

Миша вытащил книгу. На обложке был Иван Грозный — суровый, бородатый, с глазами человека, который уже всё решил и теперь ждёт, когда остальные догадаются. Книгу он взял почти назло. Бабушка жила в Александрове, а Александров — это слобода, опричнина, монастырские стены, царские палаты, смерть царевича, кровь на тёмном полу, если верить одним книгам, и скучные исторические споры, если верить другим. Миша любил такие места больше, чем курорты. В курортах надо было купаться, бегать, загорать, играть в мяч и радоваться телом. А с телом у него были сложные дипломатические отношения.

Он открыл книгу на заложенной странице, но читать не смог. Буквы расплывались от жары и раздражения.

Напротив сидели две женщины лет сорока и обсуждали цены на сахар.

— При Ельцине хоть понятно было, что бардак, — говорила одна. — А сейчас вроде порядок обещают, только денег от этого больше не стало.

— Зато молодой, — отвечала другая.

— Кто молодой?

— Ну этот. Президент.

— Молодой не профессия.

Миша отвернулся к окну.

На соседней лавке мальчишка лет одиннадцати вертел в руках мобильный телефон. Не звонил — просто играл в «Змейку» на маленьком монохромном экране. Хотя телефон был небольшой, обычный кирпичик Nokia, всё равно он держал его так, чтобы видели все. Его отец, толстый мужчина в майке, иногда говорил:

— Положи. Аккумулятор посадишь.

Мальчишка послушно клал телефон на колени, ждал полминуты и снова брал.

Миша смотрел на него с тем презрением, которое обычно состоит наполовину из зависти. У них в классе мобильник был только у Пашки Белова. Пашка всем давал подержать, но звонить не давал никому. Говорил, что минута стоит как обед, хотя Миша подозревал, что он просто жадина.

Электричка дёрнулась, замедляясь у очередной платформы. В вагон вошёл мужчина с газетами под мышкой и прохрипел:

— Комсомолка, Аргументы, сканворды, свежие!

Никто особенно не заинтересовался. Тогда он прошёл дальше, зацепив Мишу пакетом по плечу.

— Осторожнее, — сказал Миша.

Мужчина даже не обернулся.

Поезд снова тронулся. Станции тянулись одна за другой, названия становились всё менее московскими. Миша всё-таки надел наушники, нажал кнопку на плеере. Плёнка хрипнула, зажевала начало песни, потом пошла ровнее. Музыка отгородила его от женщин, газет, яиц и разговоров про цены.

Но от собственных мыслей музыка не спасала.

В Александров его отправляли каждый год, но в этом августе всё раздражало сильнее обычного. Наверное, потому что он уже не был маленьким, а с ним всё ещё разговаривали так, будто он мог разбиться от неправильного движения. Мать сказала: «Бабушка присмотрит». Отец сказал: «Тебе нужен режим». Врач сказал: «Без геройства». Все трое произнесли разные слова, но смысл был один: живи потише.

Живи потише.

Миша ненавидел эту невысказанную формулу. От неё хотелось сделать что-нибудь глупое и громкое. Например, выйти во двор и играть в футбол до темноты. Или прыгнуть с высокого берега в воду. Или пробежать от станции до бабушкиного дома, просто чтобы доказать, что может.

При одной мысли о беге он машинально положил пальцы на запястье. Пульс был частый, но ровный. Он тут же убрал руку, будто кто-то мог заметить этот жест и понять о нём лишнее.

За окном уже пошли леса. Низкое солнце било в стекло, и Миша видел в нём своё отражение: худое лицо, тёмные волосы, слишком серьёзный взгляд. На вид обычный. Почти обычный.

Это «почти» всегда всё портило.

Когда объявили Александров, вагон зашевелился. Люди начали поднимать сумки, пакеты, авоськи, коробки с рассадой, хотя до остановки оставалось ещё несколько минут. Миша тоже встал, забросил рюкзак на плечо, взял дорожную сумку и протиснулся к выходу.

На ступеньках электрички он задержался. Платформа была залита белым августовским светом. Жара ударила в лицо сразу, плотная, сухая, совсем не такая, как в Москве. Москва летом пахла асфальтом, бензином и горячей пылью. Здесь пахло железной дорогой, травой, солнцем, чем-то печёным из ближайшего ларька и далёкой водой, которую ещё нельзя было увидеть.

Миша спрыгнул на платформу, и сердце на секунду стукнуло сильнее — не больно, просто резко.

Он снова хотел коснуться груди, но удержался.

На другом конце платформы уже стояла бабушка.

Анна Петровна Сафонова была маленькая, сухая и прямая, как палка, которой подпирают помидоры на грядке. На ней было светлое платье в мелкий рисунок, выгоревшая панاما и серая сумка через плечо. Она не махала рукой, не улыбалась широко, не причитала, как чужие бабушки в кино. Она смотрела внимательно и строго, будто Миша был не внук, а посылка, которую надо принять по описи и сразу проверить на повреждения.

— Доехал? — спросила она, когда он подошёл.

— Нет, ба. Остался в Москве.

Она поджала губы, но в глазах мелькнула улыбка.

— Язык свой острый привёз. Вижу. Сумка тяжёлая?

— Нормально.

— Дай.

— Ба, я сам.

— Я не сказала, что понесу. Я сказала — дай.

Она взяла сумку за ручку, будто взвешивая. Потом вернула.

— Лекарства где?

— В рюкзаке.

— Не в сумке?

— В рюкзаке.

— Пакет целый?

— Ба.

— Что «ба»? Я спрашиваю.

— Целый.

— Воду пил?

— Пил.

— В электричке не стоял?

— Нет.

— По переходу не бежал?

Миша выдохнул и посмотрел куда-то вверх её панамы — на вокзальную крышу, на голубое выцветшее небо, на провода.

— Ба, я только что вышел из поезда. Я ещё ничего не успел нарушить.

— Вот и хорошо, — сказала Анна Петровна. — И начинать не надо.

Она повернулась и пошла к выходу с платформы. Миша двинулся рядом, чуть отставая. Ему хотелось обнять её или хотя бы сказать что-нибудь нормальное, но после проверки сумки, лекарств и перехода это было уже невозможно. Всё тёплое внутри сразу становилось колючим.

У вокзала было шумно. Автобус фыркал у остановки, таксисты лениво предлагали довезти, женщина продавала пирожки из картонной коробки, накрытой полотенцем. У ларька с газетами висели обложки с большими лицами политиков, рядом — выгоревшая афиша фильма, где кто-то чёрным маркером приписал: «БРАТ 2 — СИЛА». Два пацана у киоска спорили, кто прав — Данила или тот, который «в Америке главный». Один говорил так уверенно, будто лично был в Чикаго.

Из другого ларька доносилась музыка. Что-то бодрое, летнее, туповатое, с припевом, который, казалось, прилипал к зубам. Продавщица в синем халате обмахивалась газетой и смотрела на улицу с лицом человека, которому август давно надоел.

— У вас тут всё по-прежнему, — сказал Миша.

— А что должно было измениться? — спросила бабушка.

— Не знаю. Двадцать первый век всё-таки.

— Век двадцать первый, а люди те же.

Они перешли привокзальную площадь. Асфальт был горячий, мягкий на вид, хотя подошвы, конечно, не проваливались. Автобусная остановка дрожала в мареве. За ней тянулась улица с невысокими домами, заборами, тополями и киосками. Где-то дальше, за крышами и проводами, виднелись купола — не близко, но достаточно, чтобы напомнить: этот город старше всех их разговоров, лекарств, электричек и ларьков.

— Сразу домой? — спросил Миша.

— А куда?

— Ну... пройтись.

Бабушка остановилась и посмотрела на него снизу вверх. Из-за маленького роста её строгий взгляд всегда получался особенно обидным: приходилось наклонять голову, чтобы быть отчитанным.

— Пройдѣшься. После еды. И после таблеток.

— Ба, я приехал не лечиться.

— А зачем?

— Просто на лето.

— Вот и полечишься просто на лето.

Он отвернулся, чтобы она не увидела, как его передёрнуло.

— У нас уговор, — сказала бабушка уже тише. — На озеро один не ходи. На солнце долго не стой. Таблетки после еды. И не бегай, Мишенька. Ты мне обещал.

Она сказала это не громко. Даже не строго. Но в словах было что-то такое, от чего спорить стало труднее. Не просьба, не приказ — почти заклинание.

Миша сжал ремень рюкзака.

— Ба, я не маленький.

— Вот именно, — сказала Анна Петровна. — Поэтому должен понимать.

До дома они шли почти молча.

Бабушка жила в старой пятиэтажке недалеко от тихой улицы, где тополя росли так густо, что в подъезде даже днём было зеленовато. Двор Миша помнил с детства: кривые качели, железная горка, песочница с досками по краям, лавочка у подъезда и вечно перекошенная сушилка для белья. Но каждый год двор становился меньше. Или это он становился выше.

На лавочке сидели две старухи. Они поздоровались с Анной Петровной и сразу посмотрели на Мишу так, будто уже всё о нём знали.

— Приехал? — сказала одна.

— Приехал, — ответила бабушка.

— Вырос-то как.

Миша кивнул с максимально нейтральным лицом. «Вырос-то как» говорили все бабушки мира, даже если видели тебя неделю назад.

В подъезде пахло кошками, влажной тряпкой, пылью и старой краской. Стены были выкрашены снизу зелёным, сверху грязно-белым. На первом этаже кто-то оставил детский велосипед с облезлой красной рамой. Бабушка сразу сказала:

— Не спотыкайся.

— Я вижу.

— Видит он.

На третьем этаже она открыла дверь, и Мишу встретил знакомый запах квартиры: жареное тесто, сухие травы, книжная пыль, мыло, старые обои и что-то лекарственное — не сильное, но постоянное. Так пахло у бабушки всегда, и от этого запаха почему-то одновременно хотелось сбежать и остаться.

— Руки мой, — сказала она. — Потом за стол.

— Я рюкзак только поставлю.

— Рюкзак поставишь после рук. В поезде за что держался?

Спорить было бесполезно. Миша прошёл в ванную, открыл тугой кран. Вода сначала плюнула ржавчиной, потом пошла холодная. Он умылся, подставил под струю запястья и задержал их там дольше, чем нужно. В зеркале над раковиной отражался какой-то усталый парень с дороги. Вроде он. Вроде нет.

На кухне уже стояла тарелка с оладьями. Рядом — сметана, варенье в гранёной розетке, чай в стакане с подстаканником и маленькая тарелка с двумя таблетками.

Миша сел и сразу уставился на таблетки.

— После еды, — сказала бабушка.

— Я знаю.

— Если знаешь, не смотри на них так, будто они тебя чем-то оскорбили.

— Они меня как раз и оскорбили.

— Оладьи ешь. Они тебя не оскорбляли.

Кухня была маленькая, но в ней помещалась вся бабушкина власть. Газовая плита с коричневыми ручками, клеёнка на столе, хлебница из пожелтевшего пластика, календарь с видом Александровского монастыря, банки с вареньем на полке, маленький телевизор «Рекорд» в углу и радио на подоконнике. Радио потрескивало, ловило то музыку, то чей-то голос, то рекламу, в которой обещали счастье за подозрительно небольшие деньги.

За окном двор жил своей жизнью. Кто-то хлопнул подъездной дверью. Мальчишки закричали. Мяч ударился о стену дома.

— В школе как? — спросила бабушка.

— Нормально.

— «Нормально» — это оценка или отсутствие бедствия?

— И то и другое.

— Класс какой теперь?

— Десятый будет.

— От физкультуры освободили?

— Частично.

— Что значит частично?

— То и значит. Не бегать, не сдавать нормативы, не прыгать. Остальное можно.

— А сердце?

— На месте.

Бабушка посмотрела на него поверх очков. Очки она надевала только для газет и табличных инструкций, но почему-то сейчас они уже были на ней.

— Не умничай.

— Ба, ну что ты хочешь услышать? Всё нормально. Врач сказал — без перегрузок. Я понял.

— Ты понять-то понял. А делать будешь по-своему.

— Я ничего не сделал.

— Пока.

Он отломил оладью вилкой. Оладьи были горячие, с хрустящими краями, внутри мягкие. Он не хотел показывать, что соскучился по ним, поэтому ел медленно, почти равнодушно.

Бабушка налила себе чай, но пить не стала. Сидела напротив и смотрела, как он ест. Потом встала, взяла блистер, выдавила таблетки на ладонь и положила ближе к его тарелке.

— Сначала доешь.

— Я помню.

— Хорошо, что помнишь. Память — полезная вещь.

Она сказала это обычно, без нажима, но Миша почему-то поднял глаза. Бабушка уже отвернулась к плите, будто ничего особенного не произнесла.

— Мама звонила? — спросил он.

— Звонила. Сказала, чтобы ты не спорил.

— Конечно.

— Отец вечером позвонит.

— Тоже скажет, чтобы я не спорил?

— Если умный, скажет.

Миша усмехнулся.

— Значит, скажет.

Бабушка поставила сковородку в раковину. Он резко встал, чтобы отнести тарелку, но она тут же обернулась. Взгляд её скользнул не к тарелке, а к его груди, к тому месту, где под футболкой стучало сердце.

Всего на секунду.

Миша заметил. Сделал вид, что нет.

— Сиди, — сказала она.

— Ба, тарелку я донести могу.

— Можешь. Но не надо вскакивать.

— Я не вскакивал.

— А что делал?

— Элегантно поднялся.

— Элегантно сядь обратно.

Он сел. И почувствовал, что злится уже не на неё, а на себя. Потому что она боялась — и имела на это право. Потому что он понимал — и от этого злился ещё сильнее.

После еды он выпил таблетки, демонстративно запив их большим глотком чая.

— Довольна?

— Нет, — сказала бабушка. — Но спокойнее.

Он хотел сказать что-нибудь резкое, но в этот момент за окном снова закричали мальчишки. Миша повернулся.

Во дворе играли в футбол. Четверо пацанов гоняли мяч между лавочкой и железной горкой. Один, загорелый, в растянутой майке, резко сорвался за мячом, почти упал, удержался, засмеялся и побежал дальше. Легко, без мысли. Так, будто тело было просто телом, а не списком условий мелким шрифтом.

Миша смотрел дольше, чем хотел.

— После трёх можешь выйти, — сказала бабушка за спиной. — Сейчас самое пекло.

— Угу.

— Недалеко.

— Угу.

— И не бегай.

Он не обернулся.

— Да понял я.

За окном мальчишка догнал мяч у самого подъезда, ударил пяткой, промахнулся и расхохотался. Остальные закричали на него, но тоже смеялись.

Миша смотрел на них и вдруг ясно понял: здесь все жили быстрее, чем он. Даже этот двор. Даже этот ленивый, пыльный, сонный Александров, куда его отправили «на воздух» и «под присмотр».

Все — быстрее.

А ему снова предстояло учиться не отставать так, чтобы никто не заметил.

После трёх жара не ушла. Она просто перестала быть прямой и стала вязкой.

Солнце уже не било в окно под тем же углом, но воздух во дворе всё равно стоял неподвижный, плотный, как тёплая вода. Миша вышел из подъезда и сразу почувствовал, что футболка липнет к спине. Под козырьком подъезда пахло пылью, кошками и нагретым бетоном. Где-то на верхнем этаже хлопнула форточка, потом зашипело радио, поймало обрывок песни и снова утонуло в треске.

— Куда? — спросила одна из старух на лавочке.

Вопрос был задан не потому, что ей было интересно, а потому что она сидела здесь и отвечала за границы двора.

— Погулять, — сказал Миша.

— Далёко не ходи.

Он едва удержался, чтобы не спросить, они тут все стоворились или у них в Александрове такой приветственный обычай.

Вторая старуха подняла голову от вязания:

— Анна-то знает?

— Знает.

— Ну смотри.

Она сказала это с такой интонацией, будто весь город уже однажды смотрел и ничего хорошего из этого не вышло.

Миша сунул руки в карманы шорт и пошёл к середине двора.

Двор за время его обеда не изменился, но теперь, оказавшись внутри, он казался более чужим. От окна всё выглядело проще: мальчишки гоняют мяч, девчонки сидят на качелях, старухи сторожат подъезд, кто-то слушает музыку. Обычный двор. А вблизи у каждого было своё место, свой порядок, свои невидимые права. Вот здесь играли. Вот там сидели. Вот у песочницы валялись велосипеды. Вот к лавочке у тополя лучше не подходить, потому что там двое парней постарше делали вид, что им уже всё можно.

Миша не знал, куда в этом порядке поставить себя.

Из окна второго этажа орал магнитофон. Песня была знакомая, но из-за плохих колонок и дворового эха слова разлетались на куски. Под окном сидели три девочки лет четырнадцати-пятнадцати, ели мороженое и смотрели на играющих так, будто сами назначали победителей. У одной на коленях лежал журнал с яркой обложкой, у другой — кассета, которую она перематывала карандашом — чтобы не тратить заряд батареек в плеере. На асфальте рядом таяло белое пятно от пломбира: кто-то уронил и не стал поднимать.

Мальчишки играли четверо на четверо. Воротами были ржавые стойки сушилки и две кирпичины у бордюра. Мяч был старый, потёртый, с серыми швами, но летал хорошо. Игроки орали друг на друга, спорили, смеялись, толкались плечами. Один пацан в майке с американским флагом, не попав по мячу, закричал:

— В чём сила, брат?

Другой, стоявший на воротах, ответил:

— В ногах сила, если они не кривые!

Все заржали, даже тот, кому была реплика.

Миша остановился у качелей, будто просто выбирал, куда идти дальше. На самом деле он смотрел на игру. Не пристально — так, чтобы никто не подумал, что ему хочется. Но смотреть получалось слишком долго.

Мяч катался по двору как живой. Его били, принимали, пропускали, догоняли. Все движения были резкие, бессмысленные и счастливые. Никто не думал, как ступить. Никто не мерил расстояние до подъезда, до лавочки, до тени. Никто не считал, сколько шагов можно пройти быстро, а сколько уже не надо.

Миша поймал себя на том, что делает это автоматически.

До лавочки — шагов двенадцать.

До подъезда — двадцать.

До тени у тополя — восемь.

Если станет нехорошо, можно сесть на бордюр. Если совсем — крикнуть. Хотя кричать он бы, конечно, не стал.

Он разозлился на себя и пнул маленький камешек. Камешек отлетел, стукнулся о железную ножку качелей.

— Эй, московский!

Миша поднял голову.

Загорелый мальчишка из игры смотрел на него, придерживая мяч подошвой. Лет пятнадцать, может, шестнадцать. Волосы короткие, колени в пыли, на локте свежая ссадина.

— Играть будешь?

Вопрос был нормальный. Даже дружелюбный. Но Миша почувствовал, как внутри всё неприятно сжалось. Если сказать «не могу» — сразу станет понятно. Если сказать «нельзя» — ещё хуже. Если сказать правду, он перестанет быть парнем у качелей и станет тем, кого нельзя трогать, толкать, звать, обижать, потому что у него сердце.

— Не хочу, — сказал он.

Загорелый пожал плечами.

— Как хочешь.

И игра продолжилась. Продолжилась, и всё. Никто не стал уговаривать, смеяться, спрашивать почему. Это почему-то оказалось обиднее, чем если бы стали. Его отказ приняли так легко, будто он и правда был человеком, который не хочет играть.

Миша отошёл к краю двора, к низкому заборчику перед палисадником. Там росли пыльные мальвы, несколько чахлах ноготков и огромный куст сирени, давно отцветший и теперь просто занимавший место. Отсюда было видно киоск за углом. У киоска стояли двое мужчин с пивом, женщина с пакетом и мальчик в кепке, который считал мелочь на ладони. Над окошком висела выгоревшая реклама мороженого: рожок, покрытый шоколадом, обещал такую радость, какой в настоящем киоске, конечно, не было.

Мяч внезапно вылетел из игры и покатился прямо к Мише.

Он успел бы отбить его обратно сразу. Даже красиво. С ходу, внутренней стороной стопы, как делали во дворе нормальные мальчишки. Нога сама дёрнулась.

Но Миша остановил мяч подошвой.

Аккуратно.

Слишком аккуратно.

И на секунду все посмотрели на него.

— Кидай! — крикнул загорелый.

Миша нагнулся, поднял мяч руками и бросил обратно. Не сильно, но точно. Мяч ударился об асфальт, подпрыгнул, и игра снова забрала его в себя.

— Руками-то все умеют, — сказал кто-то не зло, а просто так, для порядка.

Миша сделал вид, что не услышал.

Он развернулся и пошёл к выходу из двора. Медленно, не потому что боялся, а потому что теперь уже принципиально не хотел ускоряться. Старухи на лавочке проводили его взглядами.

— Далеко-то не уходи, — сказала одна.

Он не ответил.

За углом стало тише. Дворовые крики остались позади, но не сразу исчезли, а ещё некоторое время цеплялись за спину, как репей. Миша шёл вдоль улицы, и город раскрывался перед ним не парадно, а боком: заборы, палисадники, открытые окна, облупленные стены, гаражи с ржавыми воротами, бельё на верёвках, пыльные «Жигули» под деревьями. На одном бал-

коне висел ковёр, на другом сушились детские колготки. Из окна первого этажа пахло жареным луком. Из другого тянуло табачным дымом и раздавался телевизор — именно телевизор, потому что эти звуки ни с чем нельзя было спутать: глухие голоса, реклама, резкая музыкальная заставка, потом снова голоса.

Москва в его памяти была громче, выше, быстрее. Там даже жара казалась занятой: машины, люди, магазины, переходы, метро, ларьки, бесконечное «давай быстрее». Александров был другим. Не тихим — нет. Здесь тоже кричали, торговались, ругались, смеялись, хлопали дверями. Но всё это происходило так, будто время можно было слегка придержать рукой.

Миша сначала решил, что это скучно.

Потом понял, что не совсем.

У города были слои. Не такие, как в Москве, где старое пряталось за новым или новое лезло поверх старого без спроса. Здесь всё лежало рядом. Киоск со жвачками и дешёвыми сигаретами — и за ним вдруг купол. Реклама пейджеров на столбе — и под ней кривой деревянный дом с наличниками. Два пацана у магазина обсуждают, где достать кассету с «Диско-текой Аварией», чтобы не ехать через весь город переписывать у двоюродного брата. А чуть дальше указатель: «Александровская слобода».

Миша остановился у этого указателя.

Стрелка была синяя, краска местами облезла. Туристы, наверное, смотрели на неё как на обещание экскурсии. Местные, скорее всего, вообще не смотрели. Для них слобода была просто там. Как вокзал, рынок, озеро, пыль, август и бабки на лавочках.

Он пошёл по направлению стрелки.

Идти одному оказалось лучше, чем стоять во дворе. Здесь никто не звал играть и не спрашивал, почему он не хочет. Можно было двигаться в своём темпе и делать вид, что этот темп выбран, а не назначен.

Солнце било в затылок. Миша перешёл на теневую сторону улицы. Тень была редкая, дырявая, но всё равно помогала. Он прошёл мимо магазина с мутной витриной, где были выставлены банки кофе, конфеты в коробках и пирамидка из бутылок лимонада. Возле двери висело объявление: «Требуется продавец». Ниже кто-то шариковой ручкой приписал: «И совесть».

Миша усмехнулся.

Дальше улица немного поднималась. За деревьями уже угадывались стены и купола. Не так, как на картинке в книге, не торжественно, не в музейной тишине. Рядом ехала пыльная «девятка», у обочины стоял мужик в шлёпанцах и ел мороженое, две женщины тащили сумки с рынка. Но от этого старые стены казались даже более настоящими. Они не нуждались в тишине. Они пережили царей, опричников, революции, войны, очереди, ваучеры, новые деньги, старые страхи и теперь спокойно смотрели на ларьки, пиво, кассеты и мальчишек, которые думали, что двадцать первый век начался специально для них.

Миша вспомнил страницу из книги: Александровская слобода, государев двор, Иван Грозный, опричина. В какой-то момент отсюда управляли страной. Сюда приезжали послы. Здесь принимали решения, от которых у людей менялись жизни, имена, имущество, головы. А теперь по той же земле ходили туристы в панاماх, местные подростки с мороженым и он, московский парень с аптечным пакетом у бабушки на кухне.

Ему понравилась эта мысль.

Прошлое не исчезало. Оно просто переставало объяснять, что оно прошлое. Оставались стены, книги, чужие рассказы, обрывки легенд, и если сложить их правильно, можно было почти увидеть то, чего уже нет.

Почти.

Он дошёл до небольшого пяточка у киосков. Здесь было оживлённее. Один киоск торговал газетами и мелочью, другой — мороженым, водой, жвачкой и сигаретами. За стеклом

лежали батончики, шоколадки, пачки «Love is...», дешёвые зажигалки, батарейки, какие-то яркие наклейки. Над окошком болталась табличка «Пломбир». Изнутри глухо доносилось радио, но из-за треска было не разобрать, песня это или реклама.

Перед киоском стояли две девочки с мокрыми волосами — видимо, с реки. У одной на плече висело полотенце, другая держала пакет с семечками. Они смеялись над чем-то своим и пахли водой, солнцем и дешёвым шампунем. Миша невольно подумал, что бабушка сразу бы определила: с речки, одни, без взрослых, волосы мокрые, простудятся, а ещё наверняка бегали.

Он отвернулся к газетному киоску, чтобы не смотреть на них слишком явно.

На витрине лежали газеты с лицами политиков, сканворды, журналы с актёрами, программа телепередач. Рядом висела свежая афиша какого-то концерта в доме культуры и выцветший лист с объявлением о наборе на экскурсию по музею-заповеднику. Всё было слегка криво, пыльно и по-настоящему.

Миша уже хотел подойти ближе, когда у соседнего киоска что-то глухо стукнуло, потом послышался возмущённый женский голос:

— Девочка, ты куда руки тянешь? Сначала деньги!

— Я не тяну, я показываю!

— Ага, знаю я вас, показывальщиков.

Миша повернул голову.

У окошка киоска стояла девчонка примерно его возраста, может, чуть младше. Загорелая, в выцветших джинсовых шортах и красной майке, с мокрыми от пота или воды волосами, собранными кое-как, так что пряди выбивались у висков. В одной руке она держала смятые купюры, другой пыталась удержать под мышкой большой зелёный арбуз. Арбуз явно был для неё тяжёлый и всё время съезжал вниз, но девчонка не сдавалась.

— У меня деньги есть, — сказала она. — Просто если я его отпущу, он укатится. Вы же потом первая будете кричать, что я вам тут витрину разбила.

— Положи на землю.

— На такую землю? Вы серьёзно? Он же потом будет со вкусом Александра.

Продавщица фыркнула.

Девчонка попыталась переложить арбуз удобнее, но тот предательски выскользнул из-под локтя. Миша шагнул вперёд раньше, чем успел решить, что вмешивается. Арбуз покатился к нему по пыльному асфальту, медленно, тяжело, как маленькая зелёная планета.

Миша остановил его ногой.

Не подошвой сверху — так можно было треснуть. Осторожно, боком кроссовка.

Девчонка посмотрела на него. Не благодарно. Сначала оценивающе.

— Нормальная реакция, — сказала она. — Для приезжего.

— Для кого?

— Для приезжего. Вы все немного с тормозами. Ты же не местный?

Миша хотел ответить что-нибудь колкое, но почему-то не сразу нашёлся.

Девчонка улыбнулась так, будто это уже было её маленькой победой.

— С тормозами? — переспросил Миша.

— Ну да, — сказала девчонка и наконец переложила арбуз так, чтобы не потерять ни его, ни деньги. — Вы сначала думаете, потом делаете. А за это время всё нормальное уже происходит без вас.

— А вы, значит, сначала делаете?

— Конечно.

— А думаете когда?

— Потом. Если понадобится.

Она протянула продавщице деньги. Та пересчитала их медленно, с таким видом, будто каждая купюра могла оказаться фальшивой из вредности.

— Сдачу не забудьте, — сказала девчонка.

— Я ещё не забыла, — отозвалась продавщица.

— Вы заранее начинаете.

Миша невольно усмехнулся. Девчонка заметила это сразу.

— Что?

— Ничего.

— Если ничего, зачем смеёшься?

— Не смеюсь.

— А что делаешь?

— Сдерживаюсь.

Она посмотрела на него внимательнее. Глаза у неё были светлые, то ли серые, то ли зелёные — из-за солнца не разобрать. Волосы у висков прилипли к коже, на колене была свежая царапина, уже подсохшая, но ещё яркая. На ногах — сандалии, в которых нормальные люди ходили медленно. Она, судя по всему, в них бегала.

— Ты из Москвы? — спросила она.

— А если да?

— Тогда понятно.

— Что понятно?

— Почему ты говоришь так, будто сейчас будешь сдавать экзамен.

— Я просто говорю.

— Вот именно.

Продавщица наконец сунула ей сдачу и пакетик с чем-то мелким — орехами или семечками. Девчонка зажала пакет зубами, двумя руками подхватила арбуз и тут же едва не выронила его снова.

— Может, помочь? — спросил Миша.

Сказал и сам удивился. Не потому что помощь была трудной. Просто он не собирался предлагать. Слова сами вышли, как недавно отреагировала нога, чтобы остановить мяч, хотя лучше было не высовываться.

Девчонка прищурилась.

— А донесёшь?

— Арбуз? Думаю, да.

— Вы все так думаете.

— Кто — вы?

— Приезжие.

— У тебя какая-то травма, связанная с приезжими?

— У меня наблюдения.

Она всё-таки отдала ему арбуз. Не полностью — сначала будто проверила, не уронит ли, потом убрала руки. Арбуз оказался тяжелее, чем выглядел. Тёплая корка скользила в ладонях, пахла пылью, солнцем и чем-то зелёным.

— Куда нести? — спросил Миша.

— Туда.

Она кивнула в сторону узкой улицы, уходившей от киосков вдоль старых домов.

— Очень точное направление.

— Для местных точное.

— А для приезжих?

— Для приезжих есть я.

И она пошла первой. Быстро. Даже слишком. Не побежала, но двинулась так, будто улица принадлежала ей и должна была сама подстраиваться под её шаг. Миша пошёл следом, стараясь не отставать и одновременно не выглядеть так, будто старается.

— Ты всегда так командуешь? — спросил он.

— Нет.

— А когда?

— Когда человек держит мой арбуз.

— Логично.

— А ты всегда так отвечаешь?

— Как?

— Будто тебе семьдесят.

Миша чуть не споткнулся, но удержал арбуз.

— Мне шестнадцать.

— Я не про возраст. Я про выражение лица.

— Что с ним не так?

Она обернулась на ходу, посмотрела и пожала плечами:

— Слишком умное. На лбу написано — стану профессором.

Они прошли мимо газетного киоска, мимо афиши концерта в доме культуры, мимо стены, на которой кто-то криво написал мелом «Цой жив». От слободы тянуло камнем и нагретой травой. Где-то рядом, за стенами и деревьями, блестела вода — река, понял Миша. Он слышал её ещё до того, как увидел: тихий плеск, голоса, смех, хлопанье мокрой ткани.

— Ты с реки? — спросил он.

— Ага.

— С Серой?

— Ух ты. Географию выучил?

— Я читать умею.

— Уже плюс.

— А арбуз?

— Для тётки. Она сказала: купишь маленький. Я купила нормальный.

— Она будет рада?

— Сначала нет. Потом съест.

Миша снова усмехнулся. С ней было трудно не усмехаться. Не потому что она шутила особенно смешно, а потому что говорила так, будто всё время подталкивала собеседника локтем: ну, живее, живее.

Они остановились у низкого деревянного дома с облупленными синими ставнями. Во дворе за забором сушились полотенца. На верёвке висел купальник, майка и простыня с выцветшими цветами. Из открытого окна пахло укропом и жареной картошкой.

— Сюда, — сказала девчонка.

Миша поставил арбуз на деревянную лавку у калитки. Аккуратно. Так, чтобы не укатился.

— Нормально? — спросил он.

— Сойдёт.

— Потрясающая благодарность.

— А ты хотел грамоту?

— Хотя бы имя.

Она приподняла брови, будто вопрос был хитрый.

— Лера.

— Миша.

— Михаил?

— Миша.

— Значит, Михаил.

— Значит, Лера — это Валерия?

— Нет, это Глафира. Просто маскируюсь.

Он посмотрел на неё и не сразу понял, шутит она или нет. Она выдержала паузу, потом рассмеялась.

— Господи, какие вы в Москве доверчивые.

— Мы просто привыкли, что люди иногда честно отвечают на вопросы.

— Скучные вы.

Из дома послышался женский голос:

— Лерка! Ты арбуз купила или стащила?

— Почти оба варианта! — крикнула Лера в ответ. Потом уже тише сказала Мише: — Всё, иди, пока тебя не запрягли ещё что-нибудь нести.

— Я сам решу, куда мне идти.

— Конечно. Только сначала спросишь у родителей.

Он резко посмотрел на неё.

— С чего ты взяла?

— У тебя лицо человека, которому всё время говорят: осторожнее. Даже когда он просто стоит.

Она сказала это легко, почти насмешливо. Но попала так точно, что Миша на секунду перестал злиться и просто замолчал.

Лера тоже замолчала, будто почувствовала, что сказала лишнее. Но извиняться не стала. Вместо этого поддела носком сандалии камешек и отправила его в пыль.

— Ладно, приезжай. Если пойдёшь к слободе, не заблудись.

— Я и не собирался.

— Конечно.

— Что «конечно»?

— Ничего. Просто ты уже туда шёл.

— Может, я мимо проходил.

— Все приезжие сначала мимо проходят. Потом всё равно идут смотреть, где тут Грозный сына убил.

— Это не доказано.

Теперь она посмотрела на него уже без насмешки.

— Что?

— Что именно здесь. И что именно так. Есть версии.

— Ого.

— Что «ого»?

— Ты не только с тормозами. Ты ещё и экскурсовод.

— Я не экскурсовод.

— Тогда завтра расскажешь.

— Что расскажу?

— Версии. Про царя, сына и убийство. Только коротко. Я длинное не люблю.

Миша хотел сказать, что завтра он вообще-то не собирался с ней встречаться. Что у него свои планы. Что он не нанимался носить арбузы и проводить экскурсии. Но все эти ответы почему-то прозвучали в голове слишком поздно.

— А ты завтра где будешь? — спросил он вместо этого.

Лера улыбнулась. Не так, как у киоска. Теперь спокойнее, будто снова выиграла, но уже не стала это показывать.

— А ты приходи к киоску утром к десяти. Если не передумаешь.

— А если передумаю?

— Значит, ты точно с тормозами.

Она подхватила арбуз с лавки, теперь уже увереннее, и скрылась за калиткой.

Миша остался на улице один.

Солнце было в плечи. Из окна дома донёлся голос тётки, потом Лерин смех — короткий, звонкий, очень живой. Миша постоял ещё несколько секунд, хотя стоять там было совершенно незачем. Потом развернулся и пошёл обратно.

Он сделал шагов двадцать, прежде чем понял, что улыбается.

И сразу перестал.

Домой Миша возвращался другой дорогой, хотя мог бы пойти той же. Так было удобнее объяснить самому себе, почему он задержался. Он не ждал Леру, не искал продолжения разговора, не думал о том, как она сказала «вы все немного с тормозами». Решил пройти кругом. Посмотреть город.

Вечерний Александров становился мягче, но не прохладнее. Жара оседала в стенах и земле, выходила из подвалов, из нагретых за день крыш, из пыльных кустов у заборов. В открытых окнах звенела посуда, кто-то ругался с ребёнком, где-то работал телевизор. Из одного окна донеслось:

— ...сегодня в выпуске новостей...

Потом голос пропал за шипением чайника или за хлопнувшей дверью.

У магазина двое мужчин всё ещё стояли с пивом, только бутылки у них уже были новые. На остановке женщина с хозяйственной сумкой обмахивалась сложенной газетой. Мальчишки во дворе соседнего дома спорили из-за велосипеда. Один кричал, что он первый взял, второй — что ему только до угла и обратно.

Миша шёл медленно. Теперь уже не из принципа, а потому что не хотелось возвращаться слишком быстро. В голове крутились обрывки разговора.

«Слишком умное. На лбу написано — стану профессором».

«Ты ещё и экскурсовод».

«Тогда завтра расскажешь».

Он пытался злиться. Получалось плохо.

У подъезда его встретили те же старухи. Одна посмотрела на него так, будто он вернулся из экспедиции.

— Нагулялся?

— Угу.

— Анна-то спрашивала.

— Ясно.

Это «ясно» вышло слишком взрослым и равнодушным. Миша сам услышал и поморщился.

Бабушка была на кухне. На плите кипел чайник, маленький телевизор в углу показывал каких-то людей в костюмах, но звук был убавлен почти до шёпота. На столе уже стояла чашка, нарезанный хлеб, огурцы с солью и тарелка с остывшими оладьями, которые бабушка почему-то не убрала.

— Пришёл, — сказала она, не оборачиваясь.

— Пришёл.

— Долго.

— Я гулял.

— Я поняла, что не летал.

Она сняла чайник с огня, повернулась и посмотрела на него. Взгляд прошёлся по лицу, по волосам, по футболке, по рукам. Не было ли бледности. Не дрожит ли. Не вспотел ли слишком. Не держится ли за грудь. Миша это уже знал. Ему не нужно было даже смотреть, чтобы почувствовать проверку.

— Голова не кружилась?

— Нет.

- Сердце?
- Ба.
- Что «ба»?
- Нормально.
- Дышал как?
- Ртом. Иногда носом. Как получится.
- Миша.

Он сел за стол и отодвинул тарелку с оладьями чуть дальше.

- Всё нормально. Я просто ходил.
- Куда?
- По городу.
- Один?
- Нет, с духовым оркестром.
- Бабушка села напротив. Не улыбнулась.
- Не геройствуй, Миша.
- Я не геройствовал. Я гулял.
- У тебя всё геройство начинается с «я просто».
- Ба, герои вообще долго не живут.
- Вот именно.
- Особенно исторические, — добавил он.

Она посмотрела на него внимательнее.

- До слободы дошёл?
- Почти.
- Почти — это как?
- Это значит не до конца.
- Умный стал.
- Всегда был.
- Умный — это когда понимает, где остановиться.

Он хотел ответить, но промолчал. Потому что фраза была слишком похожа на все остальные: не беги, не стой на солнце, не геройствуй, остановись. Вся его жизнь у взрослых сводилась к умению вовремя остановиться.

Бабушка налила ему чай.

- Ел что-нибудь?
- Нет.
- Денег же дала.
- Не хотел.
- Не хотел или забыл?
- Не хотел.

Она пододвинула к нему оладьи.

- Ешь.
- Я не голодный.
- Это не имеет отношения к делу.

Он всё-таки взял одну оладью. Холодная, она была уже не такой вкусной, но всё равно бабушкиной. Это раздражало сильнее всего: даже когда он злился, её оладьи оставались хорошими.

- Там у слободы в реке купаются, — сказала бабушка как бы между прочим.

Миша поднял глаза.

- И что?
- Ничего. Мокрые ходят, потом кашляют.

— Ба, август.

— Болеть можно в любом месяце.

— Я не купался в реке.

— А я про тебя ничего не сказала.

Он понял, что краснеет, и разозлился.

— Ты сейчас вообще о чём?

— О том, что на реку один не ходи. И на озеро тоже. И если с кем-то — всё равно не лезь куда не надо.

— Я никуда не лез.

— Пока.

Опять это «пока».

Миша сжал чашку ладонями. Чай был слишком горячий, но он не отпустил.

— Ты так говоришь, будто я специально ищу, где бы умереть.

Бабушка резко подняла на него глаза.

В кухне стало тихо. Даже телевизор в углу будто на секунду перестал шептать.

Миша сразу пожалел о словах, но назад их было уже не взять.

— Глупости не говори, — сказала Анна Петровна.

Голос у неё стал ровным. Слишком ровным.

— Я не...

— Глупости, сказала.

Она встала, убрала тарелку со стола, хотя он ещё не доел. Потом снова поставила её обратно. Движение вышло ненужным, сбитым, и от этого Мише стало не по себе.

— Ба...

— Ешь. Потом таблетки.

— Я уже пил днём.

— Вечером другие.

— Знаю.

— Если знаешь, не спорь.

Он доел молча. Таблетки запил водой, не чаем. Бабушка смотрела в сторону окна, но он понимал, что она всё равно видит каждое его движение.

Когда он вышел из кухни, во дворе уже начинало темнеть. Не по-настоящему — августовский вечер ещё держал свет, но у земли тени стали гуще. Мальчишки всё ещё играли, только теперь мяч почти сливался с асфальтом. Из окна второго этажа снова тянулась музыка, тише, чем днём. Кто-то внизу смеялся. Кто-то звал домой Димку. Димка не отзывался.

Миша сел на подоконник в своей комнате. Комната была та же, где он спал каждое лето: диван, шкаф, старый письменный стол, стопка журналов, выцветшая карта Владимирской области на стене. На карте Александров был отмечен маленьким кружком, как будто весь город можно было удержать пальцем.

Он смотрел в окно и пытался думать о чём угодно: о книге про Грозного, о дворовом футболе, о том, что завтра надо будет всё-таки дойти до слободы и посмотреть стены нормально.

Но вместо этого в голове снова и снова звучало:

«Вы все немного с тормозами».

Нахалка.

Он сказал это мысленно с удовольствием.

Потом вспомнил, как она несла арбуз, будто упрямство могло заменить силу. Как не поблагодарила нормально. Как сразу поняла, что он не местный. Как сказала: «Тогда завтра расскажешь».

Миша спрыгнул с подоконника, подошёл к столу, достал из рюкзака книгу про Ивана Грозного и положил её на видное место.

Просто так.

Он вовсе не собирался завтра идти к киоску утром к десяти.

Он просто хотел освежить в памяти версии.

Утром Миша проснулся раньше, чем собирался.

В комнате было светло, душно и тихо. Не совсем тихо — за окном уже скрипнула чья-то дверь, во дворе лениво переговаривались соседи, из дальней квартиры донёсся звон посуды, но всё это звучало приглушённо, будто город ещё не решил окончательно просыпаться. Солнце стояло за занавеской плотным жёлтым пятном. В воздухе висел запах нагретой пыли, старой бумаги и чего-то жареного с кухни.

Книга про Ивана Грозного лежала на столе раскрытая.

Миша несколько секунд смотрел на неё и вспоминал, зачем положил её туда вечером. Потом вспомнил — и сразу сделал вид перед самим собой, что ничего особенного в этом нет. Ну да, хотел дочитать главу. Просто потому, что книга интересная. Не из-за какой-то девчонки с арбузом, которая вчера сказала «тогда завтра расскажешь».

Он сел на диване. Сердце билось ровно, спокойно. На всякий случай он не стал сразу вставать. Сначала посидел, как учили: не резко, без дурацкого геройства, будто каждый подъём с постели был маленькой государственной операцией, требующей согласования всех ведомств.

Из кухни донеслось:

— Встал?

Миша закрыл глаза.

— Нет!

— Значит, вставай.

Бабушка умела слышать его даже через стену. Наверное, если бы он ночью решил дышать как-нибудь неправильно, она бы тоже пришла и сказала: «Не выдумывай».

Он умылся холодной водой, пригладил волосы мокрой ладонью, потом всё равно взъерошил обратно. В зеркале лицо было сонное, но не такое усталое, как вчера после электрички. Почти нормальное. Даже, может быть, слишком серьёзное для человека, который всего лишь собирался позавтракать.

На кухне уже стояли сырники. Не оладьи — сегодня сырники, румяные, плотные, с тёмными пятнами по краям. Рядом сметана, чай, сахарница, хлебница и привычная маленькая тарелка с таблетками. Радио на подоконнике ловило утреннюю передачу: бодрый голос рассказывал что-то о погоде, потом его сменил шорох помех, потом короткая реклама, обещавшая «новые возможности для вашей семьи». Бабушка, стоя у стола, пересчитывала деньги: мятые десятки, пятёрки, несколько монет.

— Садись, — сказала она. — Чай остынет.

— Он всё равно ещё горячий.

— Ничего, значит, не обожжёшься.

— Интересная логика.

— Рабочая.

Миша сел. Таблетки лежали рядом, как маленькие белые надзиратели.

— После еды, — сказала бабушка, даже не глядя на него.

— Я молчу.

— Ты громко молчишь.

Он взял сырник. Сырник оказался вкусным. Это было почти нечестно: бабушка могла говорить что угодно, могла проверять его пульс глазами, могла перечислять запреты на весь день, но готовила так, что сопротивляться становилось труднее.

— Сегодня со мной на рынок сходишь, — сказала она.

Миша чуть не подавился.

— Зачем?

— Затем, что мне надо.

— Ба, мне шестнадцать. Я могу не ходить на рынок под конвоем.

— Очень хорошо, что можешь. Значит, пойдёшь без конвоя, но со мной.

— У тебя логика сегодня особенно рабочая.

Она отложила деньги и посмотрела на него.

— А ты куда собирался?

— Никуда.

— Для «никуда» ты вчера книгу на стол положил.

Миша замер. Потом взял чашку.

— Я читать собирался.

— На улице?

— Почему на улице?

— Потому что дома ты вчера её не читал. Дома ты сидел у окна и делал вид, что думаешь о высоком.

— Может, я правда думал о высоком.

— О высоком обычно так не ухмыляются.

Он почувствовал, что краснеет, и разозлился заранее — ещё до того, как бабушка успела что-нибудь понять.

— Я хотел до слободы дойти, — сказал он. — Посмотреть нормально. Вчера не дошёл.

Бабушка молчала.

Он ожидал, что она сразу начнёт: жара, сердце, таблетки, один не ходи. Но она просто взяла чайник, долила ему кипятка, потом села напротив.

— До слободы можно, — сказала она наконец. — Если после завтрака. И если не в самое пекло.

— После завтрака — это сейчас.

— Сейчас ещё не после. Сейчас ты ешь.

— А рынок?

— Рынок подождёт. Никуда он за столько лет не делся и сегодня не денется.

Миша насторожился. Победы у бабушки никогда не давались просто так.

— Но, — сказала она.

Вот оно.

— На реку не лезь. У Серой берега скользкие, камни, стекло. Местные там как козы скачут, а ты не местный.

— Я и не собирался купаться.

— До озера не ходи.

— Я и не собирался.

— На солнце долго не стой.

— Ба.

— И не бегай.

— Ба!

— Я сказала.

Она сказала это спокойно. Не повысила голос. Не стала давить. Просто поставила точку так, как ставила чашку на стол: уверенно, точно, без сомнений.

Миша положил вилку.

— Я вообще-то просто собирался посмотреть стены.

— Вот и смотри стены.

— Стены не бегают.

— Зато ты можешь.

— Не могу, потому что ты запрещаешь?

— Не можешь, потому что нельзя.

Слово «нельзя» повисло над столом так привычно, что даже спорить с ним было скучно. Оно жило с Мишей давно. У него было много голосов: мамин, врачебный, физируковский, бабушкин. Иногда Мише казалось, что это слово старше его самого.

Он доел сырник молча.

Бабушка подвинула к нему таблетки и стакан воды. Он выпил, не устраивая демонстрации. Сегодня ему не хотелось тратить силы на войну с блистером. У него были дела поважнее.

— Деньги возьми, — сказала бабушка.

— Зачем?

— Воды купишь. Или мороженое. Только не ледяное и не сразу после жары.

— Ба, мороженое не бывает не ледяное.

— Бывает, если подождать.

— Тогда это уже не мороженое.

Она сделала вид, что не услышала. Пересчитала мелочь, добавила к ней десятку, потом ещё одну, подумала и положила сверху пятёрку.

— Вот. Только не трать всё на ерунду.

— А на что можно?

— На полезное.

— Мороженое полезное?

— Для настроения — да. Для горла — нет. Сам решай, что у тебя важнее.

Миша взял деньги. Мелочь была тёплая от её ладони.

— Спасибо.

— Не благодари раньше времени. Вернёшься — посмотрим.

— Ты так говоришь, будто я ухожу на войну.

— Миша.

— Всё, понял. Не бегать, не купаться, не стоять на солнце, не покупать ледяное, не жить слишком громко.

Бабушка посмотрела на него устало.

— Жить громко можно, — сказала она. — Только не глупо.

Он не сразу нашёлся, что ответить.

На лестнице было прохладнее, чем в квартире. В подъезде пахло утренней сыростью, пылью и чужим супом, который кто-то уже поставил вариться. Велосипед на первом этаже стоял там же, красный, облезлый. Миша прошёл мимо него осторожно, хотя бабушки рядом не было, и от этого стало совсем обидно.

Во дворе день только набирал силу. Мальчишек с мячом ещё не было. Старухи уже сидели, но говорили тихо, берегли силы перед основным дневным дежурством. Из окна второго этажа доносилась музыка, но не вчерашняя громкая, а какая-то ещё не проснувшаяся. На верёвках во дворе висели простыни, и солнце просвечивало сквозь них так ярко, будто там, за тканью, был не двор, а море.

Миша вышел со двора и сначала честно пошёл в сторону слободы.

Потом свернул к киоску.

Не потому что собирался встретить Леру. От киоска тоже можно было пройти к слободе. Даже удобнее. Наверное.

Продавщица была та же — синее платье, недовольное лицо, газета в руках. У окошка стоял мужчина в кепке и покупал сигареты. Дальше мальчишка лет десяти выбирал жвачку, долго изучая разложенные за стеклом вкладыши и пачки. Радио внутри киоска несносно хрипело, потом вдруг поймало припев, от которого продавщица поморщилась и сделала звук тише.

Леры не было.

Миша почувствовал облегчение. Почти сразу — раздражение от этого облегчения. Потом ещё что-то, похожее на разочарование, но он решил не разбираться.

Он подошёл к окошку.

— Воды? — спросила продавщица, даже не подняв глаз.

— Мороженое.

— Какое?

Он посмотрел на выцветший список. Рожок, эскимо, фруктовый лёд, пломбир. Всё выглядело одинаково растаявшим уже на картинках.

— Пломбир.

— Ванильное бери, вчера привезли, пока не растаяло.

— Оно же в морозилке.

— У нас всё может.

Миша отдал деньги. Продавщица достала пломбир, завернутый в тонкую бумагу, и положила на прилавок. Мороженое было твёрдое, холодное, настоящее. Он взял его и отошёл в тень у стены, развернул упаковку, стараясь не испачкать пальцы.

— А ты всё-таки пришёл.

Он едва не уронил пломбир.

Лера сидела на низком бетонном бортике у газетного киоска, куда он даже не посмотрел. На ней была другая майка — жёлтая, выгоревшая почти до белого, и те же джинсовые шорты. Волосы сегодня были сухие, но всё равно собраны как попало. В руках она держала кусок белого мела и рисовала на асфальте линии.

— Я не к тебе, — сказал Миша.

— Конечно.

— Я к киоску.

— А я думала, к памятнику градостроительства федерального значения.

— Тут нет памятника градостроительства федерального значения.

— Зато есть киоск. Для приезжих почти одно и то же.

Миша подошёл ближе. На асфальте перед ней была нарисована карта — не настоящая, а какая-то своя. Кривые линии, стрелки, кружки, крестики. В одном месте было написано: «тут скучно», в другом: «тут кусается собака», дальше: «тётка», «киоск», «река», «место, где врут экскурсоводы».

— Это что? — спросил он.

— Секретная карта.

— Чего?

— Нормального Александра.

— А «место, где врут экскурсоводы» — это слобода?

— Ага.

— Они не врут. Они упрощают.

— Вот. Уже врешь как экскурсовод.

Он откусил пломбир и сразу пожалел: зубы свело от холода. Лера заметила.

— С тормозами, но без терпения.

— Ты всё комментируешь?

— Нет. Только то, что в глаза бросается.

Она встала, провела мелом ещё одну линию, потом сунула мел в карман. На её пальцах осталась белая пыль.

— Ну что, профессор? Версии освежил?

— Какие версии?

— Про царя, сына и убийство. Не делай лицо. Ты вчера сам начал.

— Я не начал. Я уточнил.

— Значит, сегодня продолжишь.

— А если я занят?

— Чем?

Миша показал пломбир.

— Второй завтрак.

— Очень серьёзное занятие. Идём.

— Куда?

— Куда ты вчера не дошёл. К слободе.

— Я сам собирался.

— Конечно. Просто случайно через мой киоск, в уговоренное время и с серьёзным лицом.

— У меня нормальное лицо.

— На нём написано: «Я пришёл не поэтому».

— А на твоём?

— А на моём написано: «Я всё поняла».

Она пошла первой.

Опять.

Миша хотел сказать, что он не обязан идти за ней. Что вообще-то человек может купить пломбир и спокойно съесть его в одиночестве. Что экскурсии по Александрову он тоже не обещал, а если обещал, то не официально. Но Лера уже двигалась вдоль улицы, не оглядываясь, будто была уверена: он пойдёт.

И это было самое неприятное.

Потому что она была права.

Он пошёл.

— Ты всегда так быстро ходишь? — спросил он, догнав её через несколько шагов.

— Я нормально хожу.

— Нет.

— А ты всегда так медленно ешь мороженое?

— Я его ем нормально.

— Нет.

Он хотел ускориться, но удержался. Не из-за бабушки даже — из вредности. Не хватало ещё подстраиваться под неё.

Лера, будто почувствовав это, замедлилась. Совсем чуть-чуть. Так, чтобы он мог идти рядом, но не мог обвинить её в жалости.

Это было неожиданно.

Миша посмотрел на неё сбоку. Она делала вид, что рассматривает витрину магазина.

— Что? — спросила она.

— Ничего.

— Если ничего, не смотри как следователь.

— Ты всех допрашиваешь, кто на тебя смотрит?

— Только подозрительных.

— Я подозрительный?

— Ты приезжий, профессор и с тормозами. Конечно.

Он усмехнулся.

Они свернули к улице, ведущей к слободе. Утренний город был другим, чем вчера вечером. В нём было меньше пива и больше дел: женщины шли с сумками, продавцы открывали киоски, у магазина разгружали ящики с бутылками, какая-то девочка вела за руку младшего брата, который ныл, что хочет лимонад. Возле забора старик поливал цветы из зелёной лейки. Вода темнела на пыльной земле и быстро исчезала.

— Ты тут живёшь? — спросил Миша.

— Пока лето — живу.

— То есть тоже не совсем местная?

Лера бросила на него быстрый взгляд.

— Я местнее тебя.

— Сильный аргумент.

— Достаточный.

— А вообще где?

— В Сергиевом Посаде. У мамы работа там. А летом я у тётки. Тут лучше.

— Чем лучше?

— Тут меня меньше знают.

Он хотел спросить, почему это хорошо, но не успел.

— А ты из Москвы прямо? — спросила она.

— Прямо.

— Район?

Он назвал.

Лера кивнула так, будто это ей что-то сказало.

— Богато живёте?

— Очень. Золотые унитазы, личный шофёр, завтрак с Лужковым.

— Ага. И поэтому тебя к бабушке на электричке отправили.

— Шофёр устал.

Она рассмеялась.

От этого смеха у Миши внутри что-то нелепо подпрыгнуло. Не сердце — или сердце, но он сразу запретил себе так думать. Стало легко. На секунду. Как будто его колкость не оттолкнула человека, а наоборот — попала туда, куда надо.

Они подошли ближе к стенам.

Александровская слобода не возникала сразу вся. Сначала между деревьями показывались белые участки стены, потом тёмные крыши, потом купола. Рядом с древним и белым стояли ларьки, пыльные машины, женщина продавала семечки из газетного кулька, у забора мальчик пытался открыть бутылку лимонада об край скамейки. Всё смешивалось так просто, будто историческое место не требовало отдельного уважения, а просто терпеливо жило посреди города.

Лера шла по узкой тени у стены и ела семечки из маленького пакета. Когда она успела их достать, Миша не заметил.

— Ну? — сказала она.

— Что?

— Рассказывай.

— Что рассказывать?

— Версии.

— Ты же длинное не любишь.

— А ты коротко.

Миша посмотрел на стены. Вчера он думал о них один, и это было удобно. Теперь надо было говорить вслух, причём так, чтобы не выглядеть занудой. Это было сложнее, чем читать.

— Вообще, — начал он, — Александровская слобода — это не просто монастырь и музей. При Иване Грозном это фактически была царская резиденция. Некоторое время отсюда страной управляли.

Лера подняла брови.

— Отсюда?

— Да.

- Из Александрова?
- Представь себе.
- Москва обиделась?
- Думаю, Москва тогда вообще часто обижалась. Но молча.
- Лера фыркнула.
- Уже лучше. Продолжай.

Миша почувствовал, что уголки рта сами тянутся вверх, и сделал вид, что смотрит на стену.

- Здесь был государев двор. Сюда приезжали послы, бояре. Здесь же была опричнина.
- Это где всех в чёрном и на лошадях?
- Это в кино. Но примерно да. Только на самом деле хуже.
- Почему?
- Потому что в кино страшное заканчивается, когда выключают телевизор.

Лера перестала грызть семечки.

- Красиво сказал.
- Я не специально.
- Значит, случайно умный.
- Спасибо.

Они прошли мимо группы туристов. Женщина-экскурсовод под зонтиком говорила громко и устало, как человек, повторяющий одно и то же много лет. Туристы слушали не все. Один мужчина снимал на фотоаппарат жену у стены, мальчик лет семи ковырял носком пыль, две женщины обсуждали, где здесь туалет.

- Вот они сейчас точно врут? — тихо спросила Лера.
- Не обязательно.
- Но упрощают?
- Скорее всего.
- Тогда давай не как они.

Миша посмотрел на неё.

- В смысле?
- Без «здесь великий государь пребывал» и вот этого всего. Нормально расскажи. Что тут было? Ведь тут красиво.

Он пожал плечами, но внутри что-то расправилось. Она не просила его замолчать. Не смеялась над книжкой. Не говорила: «Ой, всё, зануда». Она правда хотела знать. Или делала вид так хорошо, что разницы пока не было.

— Красиво — не то слово, — сказал он, глядя на стены. — Тут людей пытали, решения принимали, страну ломали. Тут не открытка. Тут власть жила. А где власть живёт, там обычно кому-то плохо.

- Умеешь ты испортить экскурсию.
- Я улучшаю.
- Угу. До тебя были белые стены и купола, после тебя — пытки и кому-то плохо.
- Зато честно.
- Честно не всегда весело.
- Я не обещал весело.
- Зря. Со мной надо обещать весело.

Она сказала это легко, но Миша почему-то запомнил.

Они остановились у места, откуда открывался вид на стены и часть монастыря. Лера села на низкий каменный выступ, подтянула одну ногу, поставила подбородок на колено. Миша остался стоять. Пломбир давно закончился, бумажка липла к пальцам. Он смял её и сунул в карман.

— А про сына? — спросила Лера.

— Про царевича Ивана?

— Ну да. Где он его убил?

— Никто точно не знает, как было. Есть версия, что ударил посохом. Есть версия, что это вообще поздняя легенда или преувеличение. Но история красивая.

— Убийство сына — красивая история?

— Не красивая. Сильная. Это разные вещи.

Лера посмотрела на него без насмешки.

Теперь уже правда без насмешки.

— Ты странный, Михаил.

— Я Миша.

— Нет. Когда ты так рассказываешь, ты Михаил.

Он не знал, что на это ответить. Почему-то ему стало приятно, хотя она вроде бы снова его поддела.

Где-то рядом ударил колокол. Не громко, не торжественно — один раз, потом ещё. Звук прошёл над стенами и растворился в жарком воздухе. Лера подняла голову.

— Я сюда раньше часто бегала, — сказала она.

Миша сразу услышал это слово.

Бегала.

— От кого? — спросил он.

— Не от кого. Просто. Тут можно быстро пробежать вдоль стены, свернуть к реке, потом обратно через двор. Если тётка зовёт домой, успеваешь сделать вид, что почти пришла.

— И зачем?

Она посмотрела на него так, будто вопрос был странный.

— Потому что можно.

Миша отвёл взгляд.

Потому что можно.

У некоторых людей все причины помещались в эти три слова.

Лера спрыгнула с выступа.

— Ладно, профессор. Музейный Александров ты показал.

— Вообще-то ты меня сюда привела.

— Не спорь с экскурсантом. Теперь я тебе как-нибудь покажу нормальный.

— А это какой?

— Не стены, не таблички и не места, где все делают вид, что им интересно. Нормальный.

Где купаются, где сидят, где вечером музыка, где можно уйти так, чтобы тётка думала, что ты у соседки, а соседка — что ты у тётки.

— Звучит как преступная схема.

— Это лето.

— И где это?

— Есть места.

— Например?

Она прищурилась, оценивая его.

— Например, Дичковское.

— Озеро?

— Ух ты, ты и это знаешь.

— Мне бабушка сказала туда не ходить.

— Тем более нормальное место.

— Логика у тебя как у террориста.

— Как у человека, который умеет отдыхать.

Он хотел сказать, что на озеро он точно не пойдёт. Что ему не разрешили. Что далеко. Что жарко. Что вообще у него другие планы.

Но вместо этого спросил:

— А далеко?

Лера улыбнулась.

— Для приезжего — да. Для нормального человека — нет.

— Понятно.

— Ничего тебе не понятно. Но это не сегодня.

— А когда?

— Посмотрим.

Она пошла вниз по улице, уже не так быстро, как раньше. Или Миша просто успел выкинуть к её шагу.

Он двинулся рядом.

Теперь они шли вместе. Не потому что она тащила его вперёд, и не потому что он случайно оказался за ней. Просто рядом. Некоторое время никто ничего не говорил, и Миша вдруг понял, что молчание с ней не такое, как с бабушкой или во дворе. Его не нужно было заполнять оправданиями.

У стены, в тени, сидел рыжий кот и вылизывал лапу. Лера щёлкнула пальцами, кот даже не посмотрел.

— Местный, — сказала она. — Поэтому без тормозов. Просто ему всё равно.

— Хороший уровень.

— Тебе есть к чему стремиться.

— Стать рыжим котом?

— Для начала перестать всё время думать.

Миша посмотрел на неё.

— А если не получится?

Лера пожала плечами.

— Тогда думай шустрее.

Они вышли от стен к улице, где тени от деревьев ложились на пыльный асфальт узкими полосами. День поднялся высоко, но жара ещё не стала злой. Она пока только предупреждала, что скоро всё вокруг начнёт плавиться: крыши, листья, мысли, терпение.

Лера шла по бордюру, раскинув руки, будто это был канат над пропастью. Сандалии у неё цеплялись за край, но она не смотрела под ноги. Миша смотрел. Не нарочно — просто не мог иначе.

— Ты упадёшь, — сказал он.

— Не упаду.

— Откуда знаешь?

— Я тут сто раз ходила.

— На сто первый падают.

— Это у вас, профессоров, так. У нормальных людей опыт накапливается.

— И самоуверенность.

— Она тоже полезная.

Лера спрыгнула с бордюра легко, почти без звука, и пошла дальше уже по дороге. На углу стояла бабушка с сумкой на колёсиках и ругалась с мальчиком лет десяти, который пытался проскочить мимо на велосипеде. Из открытого окна на втором этаже тянуло жареной рыбой. Где-то за стенами, со стороны Серой, кричали дети. Крик был высокий, водяной, летний: так кричат не от страха, а от слишком холодной воды или от того, что кто-то брызнул в лицо.

Лера повернула голову на этот крик и улыбнулась.

— Сейчас там все, — сказала она.

— На реке?

— Ага. Кто рядом живёт — на Серой. Кто не ленится — на Дичковском.

— А ты?

— Я не ленивая.

— Не заметил.

— Потому что с тормозами.

Он уже почти привык к этому слову, хотя оно всё ещё цепляло.

— И что там, на твоём Дичковском? — спросил он.

— Не моё оно. Хотя могло бы быть.

— Скромно.

— А что? Хорошее озеро. Сосны, вода нормальная, места много. Если прийти с утра, можно занять помост. Если днём — уже поздно, все нормальные места разобрали. Мальчишки прыгают, девчонки делают вид, что не смотрят, потом всё равно смотрят. Кто-то обязательно приносит магнитофон. А ещё там есть один корень у берега, о который все спотыкаются, хотя все про него знают.

— Звучит опасно.

— Звучит как обычное лето.

Миша промолчал.

Для неё лето было набором мест, куда можно идти: река, озеро, помост, сосны, вечерняя музыка, дворы, где можно исчезнуть между тёткой и соседкой. Для него лето всегда было списком ограничений. Не перегреться. Не переутомиться. Не бегать. Не далеко. Не одному. Не в воду после жары. Не в толпу. Не спорить. Не делать вид, что всё как у всех.

— Ты купаться умеешь? — спросила Лера.

— Умею.

— Нормально или по-московски?

— Это как?

— Стоять по пояс и говорить, что вода холодная.

— Нормально умею.

— А бегаешь?

Вопрос прозвучал так просто, что Миша сначала даже не понял, почему внутри всё неприятно сжалось. Она спросила не зло, не с насмешкой, не проверяя. Для неё это было одно из обычных человеческих умений. Купаешься? Бегаешь? Ныряешь? Знаешь, где продают нормальное мороженое?

— При чём тут это? — сказал он.

— Ну как? До озера надо идти. Иногда быстро. Если место хочешь занять. А обратно можно бегом, пока тётка не заметила, что тебя нет уже три часа.

— Я не очень.

— Что — не очень?

— Бегаю.

Она посмотрела на него. Не внимательно даже, а вскользь. Будто он сказал, что не любит свёклу.

— Не любишь?

— Типа того.

— Странно.

— Почему?

— Все мальчишки любят бегать.

— Значит, я не все.

— Это я уже поняла.

Она сказала это без обиды и без жалости. И этим почему-то сделала хуже. Если бы она начала спрашивать, Миша мог бы закрыться. Если бы засмеялась, можно было бы разозлиться. А она просто приняла его странность как очередную деталь: приезжий, профессор, с тормозами, бегать не любит. Набор признаков.

— Так ты покажешь? — спросил он.

— Что?

— Озеро.

Лера остановилась.

Они стояли у перекрёстка. Одна улица уходила к слободе и реке, другая — обратно к киоскам, третья тянулась вглубь города, туда, где дома становились ниже, зелени больше, а жара казалась пыльнее. По этой третьей, видимо, и надо было идти к Дичковскому. Там не было ни белых стен, ни туристов, ни экскурсоводов. Только обычная улица, которая ничего не обещала человеку, если он не знал, куда ведёт.

— Покажу, — сказала Лера.

Миша почувствовал, что слишком быстро обрадовался, и сразу сделал лицо равнодушнее.

— Когда?

— Завтра.

— Почему завтра?

— Потому что сегодня ты ещё музейный.

— А завтра?

— Посмотрим, можно ли тебя переводить на следующий уровень.

— У тебя всё как в компьютерной игре.

— У меня всё как в жизни. Просто ты правил не знаешь.

Он посмотрел в сторону улицы, ведущей к озеру. Далеко. Наверное, правда далеко. Бабушка сказала: до озера не ходи. Сказала не просто так. Там солнце, вода, дорога, люди, шум, и всё это сразу попадало в категорию «не надо».

— Мне, может, завтра нельзя, — сказал он.

— Кому нельзя?

— Мне.

— А кто запрещает?

— Никто.

Лера улыбнулась.

— Ага. Конечно.

— Просто дела могут быть.

— Какие?

— Исторические.

— Исторические подождут. Они уже несколько веков ждут.

Он хотел ответить, но не нашёлся.

Лера снова пошла, но теперь уже в сторону киосков. Прогулка, похоже, закончилась — сама собой, без объявления. Миша двинулся рядом.

— Завтра после обеда, — сказала она. — Тут же. У киоска.

— Может, я не приду.

— Тогда я съем мороженое одна.

— Трагедия.

— Для тебя — да. Ты же не узнаешь нормальное лето.

Эта фраза прозвучала почти так же, как вчера: «покажу нормальный Александров». Только теперь в ней было больше. Не просто улицы и слобода. Не просто река и киоски. Что-то такое, чего Миша не умел назвать и поэтому сразу хотел объявить ерундой.

— Нормальное лето — это обязательно куда-то идти? — спросил он.

— Конечно.

— Почему?

— Потому что, если сидеть, оно само мимо пройдёт.

Миша посмотрел на неё. Она сказала это просто, даже не стараясь быть умной. И опять попала.

Они дошли до киоска. Продавщица глянула на них, как на людей, которые слишком долго ходят туда-сюда возле её владений и ничего не покупают.

— Всё, мне туда, — сказала Лера, кивнув в сторону своей улицы.

— А мне туда, — сказал Миша, хотя она не спрашивала.

— Я знаю.

— Откуда?

— Ты ходишь как человек, которого дома ждёт отчёт о проделанной работе.

— Неправда.

— Тогда иди не домой.

Он замолчал.

Лера усмехнулась, но не стала дожимать.

— До завтра, профессор. И книгу можешь не брать. На озере она не понадобится.

— А если я без книг ничего не умею?

— Тогда бери плавки.

Она развернулась и пошла к своей улице. Через несколько шагов обернулась:

— И не тормози.

Миша поднял руку, будто хотел что-то ответить, но она уже отвернулась. Он постоял у киоска, потом пошёл домой.

Не быстро.

Но и не так медленно, как утром.

К вечеру жара не спала. Она только поменяла цвет.

Днём она была белая, слепящая, пыльная, а теперь стала золотой и густой. Солнце висело ниже, но стены домов всё ещё отдавали накопленное тепло. В подъезде пахло варёной картошкой, мокрой тряпкой и чем-то сладким — может, кто-то варил варенье. Снизу доносились голоса старух на лавочке. Одна сказала: «Пришёл», и Миша понял, что это про него, ещё до того, как поднялся на третий этаж.

Бабушка открыла дверь почти сразу после звонка. Значит, ждала.

— Руки мой, — сказала она.

Это было её «здравствуй», «я волновалась» и «слава Богу» одновременно.

— Я только вошёл.

— Вот и мой.

Он прошёл в ванную. Вода снова сначала была тёплая, потом холодная. На запястьях она ощущалась особенно хорошо. Миша задержал руки под струёй, смотрел, как по коже сбегает капли, и думал, что завтра, если он всё-таки пойдёт, нужно будет взять полотенце. Или не брать — тогда будет понятно, что он собирается купаться. Хотя можно сказать, что просто жарко. Хотя бабушка не поверит. Хотя он ещё никуда не собирался.

Он вытер руки и вернулся на кухню.

На столе были жареные кабачки, хлеб, помидоры с солью и маленькая тарелка с вечерними таблетками. Телевизор в углу показывал новости, звук был тихий, но дикторский голос всё равно просачивался в кухню ровным фоном. В открытое окно долетала музыка со двора и чей-то смех. Где-то хлопали костяшками домино.

Бабушка стояла у плиты, но не готовила. Поправляла сковородку, которая и так стояла ровно.

— Долго ходил, — сказала она.

— Не очень.

— Я не спрашивала.

— Тогда зачем сказала?

— Чтобы ты знал, что я заметила.

Миша сел за стол.

Она поставила перед ним тарелку.

— Ел?

— Мороженое.

— Какое?

— Пломбир.

— Ледяное?

— Нет, ба. Кипячёное.

Она посмотрела на него строго, но уголок рта дрогнул.

— Очень смешно.

— Я старался.

— С кем ходил?

Вопрос был задан ровно. Даже слишком ровно. Миша взял кусок хлеба, отломил корочку, потом положил обратно.

— Так. С одной.

— С одной кем?

— Девчонкой.

Бабушка не сказала сразу ничего. Только села напротив.

Вот эта пауза оказалась хуже любого запрета.

— Как зовут? — спросила она наконец.

— Лера.

— Местная?

— Не совсем. У тётки тут живёт. На лето.

— Сколько лет?

— Не знаю.

Он знал примерно, но почему-то не хотел говорить.

Бабушка смотрела на него внимательно, но не так, как утром. Не проверяла цвет лица, дыхание или руки. Теперь она смотрела будто глубже — туда, где у него появилось что-то новое и самовольное.

— Куда ходили?

— К слободе.

— На реку?

— Нет. То есть рядом. Не купались.

— Я про купание не спрашивала.

— Ба.

— Что «ба»?

— Ты именно про него спрашивала.

Она вздохнула.

— Миша, я не против, чтобы ты гулял.

Он поднял глаза.

— Правда?

— Правда. Я против, чтобы ты делал глупости.

— Это разные вещи?

— Очень.

— А если я просто гуляю с девчонкой, это глупость?

Бабушка посмотрела в окно. Во дворе кто-то включил магнитофон громче, и на несколько секунд кухню заполнила чужая весёлая музыка. Потом кто-то крикнул: «Тише сделай!» — и музыка стала глухой.

— Нет, — сказала бабушка. — Это не глупость.

Ответ должен был обрадовать. Но отчего-то Миша насторожился сильнее.

— Тогда что?

— Глупость — это когда начинаешь доказывать, что ты можешь всё.

— Я ничего не доказывал.

— Сегодня — нет.

— Почему ты всё время говоришь так, будто я завтра обязательно кого-нибудь ограблю?

— Потому что я тебя знаю.

— Ты знала маленького меня, а я вырос.

— Тебя любого хватает.

Он отвернулся, чтобы не улыбнуться.

Бабушка заметила. Конечно.

— Нравится она тебе?

— Ба!

— Что «ба»? Нормальный вопрос.

— Ненормальный.

— Почему?

— Потому что.

— Хороший ответ. Сразу видно — десятый класс.

Миша почувствовал, что опять краснеет, и разозлился уже без настоящей злости.

— Она просто показала мне слободу.

— Слободу ты и без неё знал.

— Не так.

Бабушка услышала это «не так». Он понял по тому, как она чуть опустила глаза.

— Завтра опять пойдёшь? — спросила она.

— Не знаю.

— Знаешь.

Он промолчал.

— Куда?

— Просто погулять.

— Куда, Миша?

Он долго крутил в пальцах хлебную корку.

— Может, к Дичковскому.

Бабушка перестала двигаться.

Не резко. Не театрально. Всё в ней стало неподвижным: рука на столе, плечи, взгляд. Даже телевизор в углу вдруг показался слишком громким, хотя звук был едва слышен.

— Я сказала: до озера не ходи, — произнесла она.

— Ба, я не один.

— Это ничего не меняет.

— Там все купаются.

— Именно.

— Что именно?

— Все — не значит ты.

Слова ударили точно. Миша откинулся на спинку стула.

— Спасибо.

— За что?

— За напоминание.

— Миша...

— Нет, правда. А то я почти забыл, что я не все.

Бабушка закрыла глаза на секунду. Когда открыла, голос у неё стал тише.

— Я не так сказала.

— Так.

— Я сказала, что тебе надо думать.

— Я только этим и занимаюсь! — сорвалось у него. — Думаю, можно, нельзя, далеко, жарко, быстро, не быстро. Мне уже кажется, что у меня не сердце больное, а вся жизнь по инструкции.

Он сам испугался, как громко это вышло.

Бабушка молчала.

Из двора донёсся смех. Кто-то хлопнул мячом о стену. Потом ещё раз. Ровно, гулко, свободно.

Миша смотрел на стол. На таблетки. На хлеб. На прозрачные крупинки соли возле помидоров.

— Я просто хочу пойти на озеро, — сказал он уже тише. — Не умереть. Не доказать. Просто пойти.

Бабушка медленно выдохнула.

— Сердце, Миша, не всегда предупреждает заранее.

Он поднял глаза.

— Что?

— Сердце. Оно не как голова. Голова может дурить долго, а сердце иногда решает сразу.

— Очень утешительно.

— Я не утешаю.

— Заметно.

— Я прошу.

Это было хуже.

Если бабушка запрещала, можно было злиться. Если проверяла — отбиваться. Если ворчала — отшучиваться. Но когда она просила, у Миши внутри всё сбивалось.

— Только не бегай, Мишенька, — сказала она.

Не «не ходи».

Не «не купайся».

Именно это.

Он резко поднялся.

Бабушка сразу посмотрела на его грудь, и от этого он ещё сильнее разозлился.

— Да что вы все с этим бегом?

— Миша.

— Я не бегаю! Я вообще почти ничего не делаю! Все вокруг бегают, плавают, прыгают, орут, живут как хотят, а я должен везде ходить шагом и отчитываться, как дышал!

Он замолчал.

Слова повисли в кухне горячие и некрасивые. Он понимал, что перегнул. Бабушка не была виновата в его сердце. Но она была рядом, а значит, ей и досталось.

Анна Петровна встала, подошла к окну и прикрыла форточку, хотя в комнате сразу стало душнее.

— Таблетки выпей, — сказала она.

Голос был ровный.

Слишком ровный.

— Ба...

— Таблетки, Миша.

Он сел. Выпил. Вода была тёплая, невкусная. Таблетка на секунду застряла в горле, и он запил ещё.

Бабушка стояла у окна спиной к нему. На улице уже темнело медленнее, чем ему хотелось. Двор шумел. Где-то далеко, может, у киоска, может, у соседнего дома, снова включили радио. Мелодия была бодрая, летняя, совсем не подходящая к этой кухне.

— Я не хочу тебя держать, — сказала бабушка, не оборачиваясь.

Миша молчал.

— Ты думаешь, я не понимаю? Понимаю. Тебе шестнадцать. Тебе хочется, чтобы все отстали. Чтобы можно было как всем.

Она помолчала.

— Только у всех своё «как всем». Понимаешь?

— Нет.

— Поймёшь.

— Обожаю этот ответ.

Она обернулась.

— Не обижайся на меня.

Он хотел сказать: «Я не обижаюсь». Но это было бы неправдой.

— Я спать пойду, — сказал он.

— Рано ещё.

— Почитаю.

— Про Грозного?

— Угу.

— Там тоже все думали, что знают, как правильно.

— Ба.

— Всё. Иди.

В своей комнате он не стал включать свет. Сел на подоконник, как вчера. За окном вечер был густой, тёплый. Двор постепенно превращался из дневного в ночной: старухи расходились, мальчишки ещё пытались доиграть в темноте, девчонки у качелей смеялись тише, взрослые звали детей домой. Из открытого окна напротив доносилась музыка, потом чей-то голос: «Сделай потише, мать ругается». Потом снова музыка, только тише.

На столе лежала книга. Он открыл её, но не прочитал ни строки.

В голове было не про Ивана Грозного, не про слободу, не про опричнину и не про царевича. В голове была Лера, которая шла по бордюру, не глядя под ноги. Лера, которая говорила: «Если сидеть, оно само мимо пройдёт». Лера, которая собиралась показать ему нормальное лето.

Нормальное лето.

Он посмотрел на карту Владимирской области на стене. Александров был маленьким кружком. Где-то там, за улицами, за домами, за запретами, было Дичковское озеро. Сосны, вода, помосты, магнитофон, местные, которые ходят туда так, будто имеют право.

Миша лёг на диван, не раздеваясь, закинул руки за голову и уставился в потолок.

Завтра он собирался просто посмотреть озеро.

Бегать он, конечно, не собирался.

Часть вторая. Ванильного осталось два

Утром Миша проснулся до того, как бабушка успела позвать его с кухни.

Уже одно это было подозрительно.

Обычно он лежал ещё минут десять, слушал, как за стеной звякает посуда, как бабушка открывает кран, как радио на подоконнике сначала хрипит, потом ловит чей-то слишком бодрый голос. Сегодня всё это только начиналось, а он уже сидел на диване и смотрел на карту Владимирской области.

Александров на карте всё ещё был маленьким кружком.

Вчера этот кружок казался смешным: город можно было закрыть пальцем. Теперь в нём почему-то помещались слобода, Серая, киоск, Лерин двор, дорога к Дичковскому озеру и ещё куча мест, о которых он пока не знал.

На столе лежала книга про Ивана Грозного. Миша взял её, перелистнул несколько страниц, ничего не прочитал и положил в рюкзак.

Книга была нужна. Не для озера, конечно. На озере, как сказала Лера, книги не понадобятся. Но с книгой всё выглядело приличнее. Можно было сказать, что он идёт к слободе, почитать у стен, посмотреть музей. Книга делала день историческим, а не подозрительным.

Потом он посмотрел на полотенце.

Полотенце лежало на спинке стула: небольшое, выцветшее, с полосками по краям. Бабушка дала его вчера, когда он мыл руки, и почему-то не унесла обратно в ванную. Обычное полотенце. Никакого преступления.

Если он положит его в рюкзак, это будет означать, что он собирается купаться.

Если не положит — значит, он просто идёт посмотреть озеро.

Миша постоял над стулом почти минуту.

Потом взял полотенце, свернул как можно плотнее и засунул в рюкзак под книгу. Книга легла сверху тяжело и убедительно, будто могла спрятать не только полотенце, но и всё остальное: дорогу, воду, Леру, вчерашнее «если сидеть, оно само мимо пройдёт».

Из кухни донеслось:

— Встал?

— Встал, — ответил он и сам удивился, что не соврал.

В ванной кран, как всегда, сначала сопротивлялся, потом хрипнул и дал тонкую струю прохладной воды. Миша умылся, долго держал мокрые ладони на лице, потом посмотрел в зеркало. Лицо было обычное. Почти. Только глаза выдавали человека, который уже что-то решил и теперь пытался выглядеть невиновным.

На кухне пахло чаем, хлебом и варёным яйцом. Никаких оладий, никаких сырников — обычный завтрак, почти будничной. На столе стояла тарелка с нарезанным хлебом, солонка, чашка и маленькое блюдце с таблетками. Радио бормотало о погоде и обещало жаркий день.

Бабушка сидела у стола и пересчитывала мелочь.

— Рано сегодня, — сказала она.

— Проснулся.

— Бывает.

Она не посмотрела на рюкзак сразу. Именно поэтому Мише стало тревожнее. Бабушка редко смотрела сразу на то, что ей было важно.

— Куда пойдёшь? — спросила она.

— К слободе. Ну... может, погуляю.

— «Может» — хорошее слово. В него много всего помещается.

— Ба.

— Я ничего.

Она подвинула к нему блюдце с таблетками.

— После еды.

— Знаю.

Он съел яйцо, кусок хлеба, выпил чай. Ел быстрее, чем хотел. Бабушка заметила и тоже ничего не сказала. Это было хуже, чем если бы сказала.

Потом она положила перед ним деньги: две десятки, пятёрку и мелочь.

— Воды купишь. Жарко будет. Или мороженое.

— Мне столько не надо.

— Не обеднею.

— Ба, я верну.

— Не вернёшь. Потратишь на ерунду.

— Тогда зачем даёшь?

— Чтобы ерунда была твоя, а не чужая.

Он взял деньги. Они были тёплые, как будто она держала их в ладони дольше, чем нужно.

— На озеро не ходи, — сказала бабушка.

Миша почувствовал, как внутри всё сразу стало твёрже.

— Я к слободе.

— Я слышала.

— Тогда зачем опять?

— Затем, что озеро всё равно существует.

Он промолчал.

— И не бегай, — добавила она.

— Я помню.

— Помнить мало.

— Ба, я просто погуляю.

Она посмотрела на него устало, но без злости.

— Вот это «просто» меня всегда больше всего и пугает.

Он хотел ответить колко, но не стал. Слишком легко было бы поспорить и хлопнуть дверь. А если поспорить, бабушка может вообще не отпустить. Поэтому он только закинул рюкзак на плечо.

Полотенце внутри показалось огромным, хотя весило почти ничего.

— Вернусь к вечеру, — сказал он.

— К какому?

— К нормальному.

— Миша.

— До ужина.

— До ужина — это не когда стемнеет.

— Понял.

В прихожей он обулся, проверил карман с деньгами и открыл дверь. Бабушка вышла следом, но не остановила его. Только поправила ремешок рюкзака на плече — как мать на вокзале поправила ворот футболки.

Миша хотел отстраниться, но не стал.

— И воду купи, — сказала она.

— Куплю.

Он вышел.

Во дворе утро уже разогревалось. Старухи сидели на лавочке, но ещё не вошли в полную силу: говорили негромко, будто берегли голоса на день. Мальчишки у песочницы спорили из-за насоса для велосипеда. Из окна второго этажа тянулась музыка — сонная, неразборчивая, ещё не дворовая, а квартирная.

Миша сначала шёл спокойно.

Потом поймал себя на том, что идёт быстрее.

Не бежит. Конечно, не бежит. Просто шаг стал длиннее, чем обычно. Рюкзак бил по спине, полотенце внутри будто шевелилось и выдавало его с головой.

Он нарочно замедлился.

Киоск показался за поворотом. Тот же синий выцветший козырёк, та же табличка «Пломбир», тот же облупленный бортик у газетного киоска. На асфальте ещё виднелись белые следы вчерашней Лериной карты: «река» почти стёрлась, «тётка» расплылась, а «место, где врут экскурсоводы» кто-то затоптал так, что осталось только «врут».

Леры не было.

Миша остановился не сразу у киоска, а чуть в стороне, будто выбирал, куда идти. Потом всё-таки подошёл к окошку.

Продавщица сидела с газетой и ела семечки, складывая шелуху на обрывок бумаги. Радио внутри киоска хрипело, морозильник у её ног гудел и плохо закрывался: крышка с одного края чуть отставала, и продавщица время от времени прижимала её коленом.

— Воды? — спросила она.

— Пломбир.

— Ванильного осталось два, — сказала продавщица, не поднимая глаз. — Бери, пока не растаяло.

Миша уже достал деньги.

И только когда сказал: «Давайте оба», понял, что сказал.

Продавщица подняла глаза. Не удивлённо — ей было всё равно, кому сколько пломбира надо. Она достала из морозильника два брусочка в тонкой бумаге, шлёпнула на прилавок и взяла деньги.

— Держи, профессор.

Миша вздрогнул.

— Что?

— Я говорю, держи. Тает.

Наверное, ему послышалось. Или она сказала не «профессор», а что-то другое. Или вообще ничего такого не сказала, а это Лера успела испортить ему слух.

Он взял оба пломбира и отошёл в тень.

Теперь он выглядел как человек, который купил два мороженных и стоит один. Это было ещё глупее, чем человек с полотенцем под книгой.

— Это ты мне или у тебя второй завтрак теперь двойной?

Лера сидела на низкой стенке за газетным киоском, почти там же, где вчера, только чуть дальше в тени. На коленях у неё лежал пакет с семечками, в руках был тот же белый мел. На асфальте рядом она успела нарисовать стрелку и подписать: «туда, если не тормозить».

— Я тебя не видел, — сказал Миша.

— Это уже понятно.

— Один пломбир лишний.

— Конечно. Он сам купился.

— Продавщица сказала, что осталось два.

— И ты решил спасти обоих?

— Нельзя же было бросать второй.

Лера прыгнула со стенки и подошла. Волосы у неё сегодня были собраны в хвост, но несколько прядей уже выбились и прилипли к вискам. Майка — зелёная, с выцветшей надписью, шорты те же. На колене вчерашняя царапина стала темнее.

Она взяла один пломбир, не сказав спасибо.

— Благородный человек, — сказала она. — Спасает мороженое от одиночества.

— Я могу забрать обратно.

— Поздно. Спасённые не возвращаются.

Она развернула бумагу и откусила сразу, без осторожности. Миша поморщился за неё.

— Что? — спросила Лера с набитым ртом.

— Ничего.

— У тебя лицо, будто тебе зубы свело из-за меня.

— Просто наблюдаю.

— Осторожнее. Наблюдение — это уже почти признание.

Он развернул свой пломбир. Холод сразу прилип к пальцам. Солнце поднималось выше, от дороги тянуло пылью и горячим железом. Где-то за киосками завёлся мотоцикл, кашлянул, заглох, потом завёлся снова.

Лера кивнула на его рюкзак.

— Книгу взял?

— Взял.

— Зря.

— Может, я читать собираюсь.

— На озере?

— Вдруг там скучно.

Она посмотрела на него так, будто он сказал что-то по-настоящему дикое.

— На озере скучно бывает только тем, кто сам скучный.

— Сильное заявление.

— Проверим.

— Кто сказал, что я иду на озеро?

Лера доела последний кусок пломбира, смяла бумажку и сунула в карман.

— Твой рюкзак.

Миша машинально поправил лямку.

— Что с ним?

— Он выглядит виноватым.

— Это просто рюкзак.

— У вас в Москве даже рюкзаки с выражением лица.

Он не удержался и усмехнулся.

Лера довольно кивнула, будто именно этого и добивалась.

— Ну что, профессор, переводим тебя с музейного уровня на водный?

— А если я ещё не прошёл музейный?

— Прошёл. Нудно, но прошёл.

— Спасибо за высокую оценку.

— Не благодари. Водный сложнее.

Она пошла первой — к улице, которая вчера тянулась вглубь города, туда, где не было ни стен, ни туристов, ни удобного оправдания про историю.

Миша посмотрел ей вслед, потом на киоск, потом на белые следы карты на асфальте.

В кармане лежали оставшиеся бабушкины монеты. В рюкзаке — книга, а под ней полотенце, которого как бы не было.

Он сделал шаг.

— Только не беги, — бросила Лера через плечо.

Миша остановился.

Она обернулась и улыбнулась, не понимая, куда попала.

— Шучу. Тут пока всё равно негде.

— Очень смешно, — сказал он.

— Я старалась.

И она снова пошла вперёд.

Он двинулся за ней. Не быстро. Но уже и не нарочно медленно.

Дорога к Дичковскому озеру началась.

Сначала дорога почти не отличалась от вчерашней.

Те же киоски, тот же пыльный асфальт, те же окна, раскрытые настежь, будто квартиры пытались выдохнуть накопленную за ночь духоту. Только теперь Лера вела его не к слободе, не к белым стенам и не к месту, где можно было спрятаться за историей. Она шла в другую сторону — туда, где город становился менее знакомым и всё меньше напоминал открытку для приезжих.

— Вообще-то озеро не в ту сторону, — сказал Миша, когда они миновали поворот к слободе.

— Правда? — Лера даже не обернулась. — А я-то думала, его ночью переставили к монастырю.

— Я просто уточнил.

— Ты всё время уточняешь. Наверное, у вас в Москве без уточнений люди теряются.

— У нас в Москве люди как раз теряются с уточнениями.

— Значит, правильно, что тебя вывезли.

Она свернула во двор между двумя пятиэтажками. Миша на секунду замедлился: дорога выглядела не как дорога, а как чужая территория. Слева сушилось бельё, справа у подъезда стоял старый «Москвич» с открытым капотом, над ним склонился мужчина в майке. На лавочке девочка лет восьми кормила хлебом тощую кошку. Из окна первого этажа пахло жареным луком и чем-то сладким, может, вареньем.

— Это срезка? — спросил Миша.

— Это правильный путь.

— А неправильный?

— По улице, где солнце, машины и скучные люди.

— Понятно. Мы идём по интересным людям.

— Мы идём по тени.

Она сказала это так буднично, что Миша не сразу понял: Лера заметила, что он держится теневой стороны.

Он поправил рюкзак. Полотенце под книгой лежало слишком ощутимо, будто внутри рюкзака был не кусок ткани, а признание.

Они вышли к более широкой улице. Впереди показался вокзал — знакомый, но теперь почему-то другой. Вчера он был местом прибытия, границей между Москвой и бабушкиным Александровом. Сегодня оказался просто частью маршрута. У остановки стояли люди с сумками, таксист курил у машины, женщина продавала пирожки из коробки, накрытой полотенцем. По рельсам где-то за зданиями прошёл состав: сначала донёсся гул, потом металлический перестук, потом короткий свист.

— Через вокзал? — спросил Миша.

— Ага.

— Озеро на другом конце города?

— Ну не в соседнем подъезде.

— Ты вчера сказала: для нормального человека недалеко.

— Так я и сейчас так считаю.

— А для приезжего?

— Для приезжего всё далеко, пока он ноет.

— Я не ною.

— Пока да.

Они прошли мимо вокзальной площади. Миша невольно посмотрел на платформы. Где-то там вчера он спрыгнул из электрички, и сердце стукнуло резко, просто от жары и движения. Тогда Александров был местом, куда его привезли. Теперь он сам уходил через него дальше.

Это было не то же самое.

Лера шла быстро, но не бежала. Иногда останавливалась у края тротуара, будто проверяла, успеваешь ли он, и тут же делала вид, что просто смотрит на дорогу. Миша видел это. И не понимал, злиться ему или нет.

После вокзала они перешли железнодорожную линию по переходу. Под ногами глухо отдавал металл, пахло нагретыми шпалами, пылью и машинным маслом. Внизу тянулись рельсы, уходили в обе стороны, как две блестящие линии, по которым можно было вернуться в Москву или уехать ещё дальше. Миша задержал взгляд на путях.

— Не отставай, профессор, — сказала Лера уже с другой стороны.

— Я не отстаю.

— Тогда почему ты там?

— Размышляю о судьбе железных дорог.

— Размышляй быстрее.

За переходом город изменился.

Пятиэтажки стали реже. Появились частные дома, заборы, палисадники, яблони за сеткой, собаки за воротами. У одного дома стояли два велосипеда, прислонённые к штaketнику. У другого в тени старой яблони спал рыжий пёс и даже не поднял головы, когда они прошли мимо. Дорога стала пыльнее, тише, шире. Асфальт местами кончался, начиналась утоптанная земля с колеями от машин.

Здесь не было туристов. Не было указателей к слободе. Не было белых стен, за которыми можно было представить Грозного, послов и опричников. Здесь были заборы, куры за сеткой, старые «Жигули», женщина в халате у калитки, мальчишка с велосипедом и лето, которое не объясняло, зачем оно существует.

— Вот это уже нормальный Александров, — сказала Лера.

— Потому что нет экскурсоводов?

— Потому что тут никто не делает вид, что место важное. Оно просто есть.

— Философски.

— Не начинай. Я случайно.

Они прошли мимо маленького магазина с облупленной вывеской «Продукты». У двери сидела продавщица на табуретке и обмахивалась картонкой. Рядом в ящике стояли бутылки лимонада.

— Тут воду дешевле брать, — сказала Лера. — У киоска дороже, потому что там туристы и ленивые.

— А мы почему не взяли?

— Потому что у тебя рюкзак и подозрительно ответственное лицо. Значит, вода там есть.

Миша не ответил. Вода у него была. Маленькая бутылка, которую бабушка сунула в рюкзак ещё утром, пока он обувался. Он тогда сделал вид, что не заметил. Теперь бутылка стукнула о книгу при каждом шаге.

Жара становилась плотнее. Не злая ещё, но уже настойчивая. Миша чувствовал, как футболка липнет между лопатками. Дыхание было нормальным. Сердце тоже. Просто дорога оказалась длиннее, чем он представлял, когда говорил бабушке «просто погуляю».

Он начал считать.

До тени у следующего забора — десять шагов.

До лавочки у магазина — двадцать пять.

До поворота — ещё сколько-то, если Лера опять не свернёт через чужой двор.

— Запоминай дорогу, — сказала она. — Тут главное — знать, где свернуть.

— А если не свернуть?

— Выйдешь не туда.

— Гениально.

— А ты думал, я сейчас тайну мироздания скажу?

— Я был готов.

— Не сегодня.

Она свернула к узкой тропинке между двумя заборами. Миша пошёл следом. Трава здесь была высокая, пыльная, с репейником у края. За одним забором кто-то колот дрова, за другим радио играло так тихо, будто его слушали только помидоры в теплице.

— Ты всегда такими маршрутами ходишь? — спросил он.

— Если можно не идти там, где все, я не иду.

— Почему?

Лера пожала плечами.

— Где все, там обязательно кто-нибудь знает, куда тебе надо, как тебе надо и когда тебе домой.

Миша посмотрел на неё.

— У тебя тоже так?

— У всех так.

— Не у всех.

— Ну да. У приезжих, наверное, специально обученные люди разрешают жить.

— Золотые унитазаы и люди для разрешений. Ты запоминаешь.

— Я внимательная.

Она сказала это шутливо, но не совсем. Потом, помолчав, добавила:

— Дома меня слишком много знают. В Сергиевом. Кто я, чья, какая должна быть, с кем дружить, как говорить, куда не ходить. Тут проще. Тётка ворчит, но она одна. Её можно обойти.

— Через соседку?

— Через соседку, через двор, через магазин, через реку. Способов много, если не тормозить.

Она ускорила на последних словах, будто специально.

Миша тоже прибавил шагу и почти сразу разозлился на себя. Не хватало ещё доказывать ей, что он может. Он замедлился.

Лера прошла ещё несколько метров, потом вдруг остановилась у забора, на котором висела ржавая табличка «Осторожно, злая собака».

За забором было тихо.

— Здесь не ходи близко, — сказала она.

— Собака?

— Хуже. Хозяин. Собака нормальная.

— Полезная информация.

— Я же говорила: правильный путь.

Она пошла дальше уже медленнее. Не сильно. Просто теперь её шаги стали короче. Она нагнулась, сорвала травинку, зажала между пальцами и провела ею по верхушкам пыльных листьев у обочины.

Миша заметил это замедление. Оно было почти незаметным, но именно поэтому стало странно важно. Она не сказала: «Устал?» Не предложила посидеть. Не сделала лицо заботливой санитарки. Просто изменила скорость так, будто дорога сама стала другой.

Он не знал, как за это благодарят.

Поэтому сказал:

- Ты медленнее пошла.
 - Неправда.
 - Правда.
 - Просто тут скучный участок. На скучных участках я экономлю силы.
 - Для озера?
 - Для жизни.
 - Сильно.
 - Опять случайно.
- Он усмехнулся.

Дальше стало зеленее. Частные дома расступались, за ними появлялись просветы, пустыри, полосы высокой травы. Воздух изменился раньше, чем показалась вода: в нём появилась сырость, тень и тонкий запах сосны. Не тот сухой запах пыли и старого дерева, который был у домов, а другой — прохладнее, гуще, будто где-то рядом лежала большая вода и спокойно дышала.

- Лера сразу это почувствовала.
- Всё, почти пришли.
- Миша посмотрел на неё с подозрением.
- Твоё «почти» — это сколько?
 - Почти.
 - То есть ещё полгорода?
 - Вот зануда.

Она ускорила шаг. Теперь уже не скрывая радости. И Миша вдруг понял: у Леры «почти» значило не расстояние. Оно значило, что она уже там — в голове, в теле, в этом запахе воды и сосен.

- У бабушки «почти» значило: остановись, подумай, не делай лишнего шага.
 - У Леры — наоборот.
- Они прошли последний поворот, и между деревьями блеснула вода.

Сначала Миша увидел не всё озеро, а только кусок света. Свет дрожал между сосновыми стволами, ломался на ряби, вспыхивал и исчезал. Потом дорога опустилась ниже, деревья разошлись, и Дичковское появилось целиком — не торжественно, не красиво как на открытке, а шумно, жарко, живо.

У берега было много людей.

На ветках висели полотенца. На траве валялись рюкзаки, сандалии, мятые футболки, бумажки от мороженого. У помоста стояли велосипеды, один лежал прямо на боку, колесо медленно вращалось. Кто-то прыгнул в воду, подняв плеск и крик. Двое мальчишек спорили, кто первый занял край помоста. Девочка с мокрыми волосами сидела на корточках и ела семечки, аккуратно складывая шелуху в ладонь. Из магнитофона на расстеленном полотенце хрипела песня: слова терялись, но ритм был такой, что хотелось двигаться, даже если ты стоял.

Вода у берега была зеленоватая, с тёмными нитями травы. Дальше становилась светлее, рябила от солнца. Сосны стояли вокруг неровно, корни выпирали из земли, нагретые и гладкие, будто старые спины каких-то животных.

- Это было не место из Лериного рассказа.
 - Это было настоящее.
- Миша остановился.
- Слишком резко, наверное, потому что Лера обернулась.

- Ну? — спросила она.
- Он хотел сказать что-нибудь умное. Или хотя бы спокойное. Но в голову пришло только:
- Тут много народу.
 - Конечно. Лето же.

Она сказала это так, будто объясняла очевидное ребёнку.

Миша стоял на краю тени и смотрел. До низкой скамейки под сосной — шагов пятнадцать. До воды — двадцать, если по прямой, но лучше не по прямой: там корни. До помоста — метров тридцать. До дороги назад — за спиной, близко, но уже не настолько близко, чтобы делать вид, будто он просто проходил мимо.

Если станет нехорошо, можно сесть под сосной. Или на тот камень. Или у рюкзаков, где тень плотнее.

Он поймал себя на этом и сжал лямку рюкзака.

Лера уже показывала рукой:

— Заходить лучше там, где песок. Вот там корень — видишь? Об него все спотыкаются. Все. Даже те, кто говорит, что не спотыкается. С помоста не прыгай, если не хочешь стать дураком. Там глубже, но на дне всякое. А сидим обычно вон там, под соснами. Если Димка опять не занял всё место своими ногами.

— Димка?

— Увидишь.

— Обнадёживает.

— Не бойся, он громкий, но не кусается.

— Спасибо. Именно это я и хотел уточнить.

Лера пошла вниз к берегу. Миша двинулся за ней осторожнее. Земля под ногами была неровная, сухая хвоя скользила по пыли, корни действительно торчали там, где их не ждёшь. От воды пахло тиной, мокрым деревом, нагретой землёй и чем-то сладким — лимонадом или чужим кремом от солнца.

Мальчишка лет двенадцати пробежал мимо них босиком, чуть не задев Мишу плечом.

— Осторожно! — сказал Миша.

— Сам осторожно! — крикнул тот уже издалека и прыгнул в воду.

Лера рассмеялась.

— Здесь это слово не работает.

— Заметил.

— Привыкай.

Он посмотрел на озеро.

Оно было громким, неровным, немного грязным, слишком солнечным, слишком живым. В нём никто не спрашивал, пил ли ты воду, не кружится ли голова и как у тебя сегодня сердце. В нём прыгали, спорили, плескались, орали, сушили волосы, ели семечки, падали, вставали и снова лезли в воду.

Миша почувствовал страх.

И почти сразу — зависть.

А потом что-то ещё. Осторожное, острое, похожее на радость, которую он пока не хотел признавать.

Лера сбросила с плеча свой маленький рюкзак и кивнула на его.

— Ну что, профессор, будешь стоять по пояс и говорить, что вода холодная?

Миша посмотрел на неё, потом на воду.

Полотенце под книгой уже не казалось преступлением.

Теперь оно казалось недостаточной подготовкой.

Лера повела его не прямо к воде, а сначала к соснам, где в тени уже лежали рюкзаки, полотенца и чья-то футболка с огромным логотипом быка и надписью «Chicago Bulls», выцветшая так, будто в ней уже пережили не одно лето.

Под сосной сидела девчонка с короткой стрижкой и в синих шортах. Она лузгала семечки и смотрела на всех так, будто заранее знала, кто сейчас сделает глупость. Рядом на корточках

стоял худой парень с мокрыми волосами и пытался починить кассетный магнитофон: открывал крышку, дул внутрь, хлопал ладонью по боку. Магнитофон хрипел, но не сдавался.

С помоста в это время прыгнул высокий мальчишка. Прыгнул не красиво, а громко: с разбега, с криком, подняв воду почти до сидящих на краю девчонок.

— Димка, придурок! — крикнула коротко стриженная. — Я только высохла!

— Значит, рано сохла! — отозвался он из воды.

Лера бросила свой рюкзак на траву.

— Как дела, живы? — спросила она.

— Нет, утонули, — сказала девчонка. — Это наши тени.

— Тогда познакомься. Это Миша.

Девчонка посмотрела на него внимательнее.

— Тот самый профессор?

Миша перевёл взгляд на Леру.

— Ты обо мне докладывала?

— Не докладывала. Упоминала.

— Секретные сведения?

— Ничего особенного. Приезжий. Москва. Умничает.

— Полное досье, — сказал Миша.

Девчонка усмехнулась.

— Я Ксюха. Не бойся, я не кусаюсь. Ну, или только знакомых.

— Мне повезло.

— Пока да.

Из воды выбрался Димка — широкоплечий, загорелый, с мокрой чёлкой, прилипшей ко лбу. Он отжал волосы обеими руками, посмотрел на Мишу и сказал:

— Это кто?

— Миша, — повторила Лера. — Из Москвы.

— А-а. Профессор из Москвы. Он плавать умеет или только теорию знает?

— Умею, — сказал Миша.

— Болтать?

— Плавать.

Димка заржал.

— Нормально. Отвечает.

Третий, тот самый худой у магнитофона, поднял голову.

— Если он из Москвы, пусть скажет, почему у меня кассету жуёт. У вас там техника сложнее.

— Может, ей не нравится твоя музыка, — сказал Миша.

Ксюха прыснула.

— Санька, тебя сейчас культурно послали.

— Это не музыка, это «Сплин», — обиженно сказал Санька.

— Тем более, — сказала Лера. — Дай сюда.

Она присела рядом, вынула кассету, покрутила карандашом, щёлкнула крышкой и ударила по магнитофону сбоку. Тот на секунду замолчал, потом заиграл чуть ровнее.

— Видишь, — сказала она Саньке. — С техникой надо ласково.

— Ты его ударила.

— Ласково.

Миша стоял у сосны с рюкзаком на плече и никак не мог решить, что делать дальше. Сесть? Раздеться? Достать полотенце? Сделать вид, что он просто здесь случайный наблюдатель? Все вокруг действовали без пауз: кто-то скинул майку, кто-то побежал к воде, Ксюха не

глядя бросила семечку в сторону бумажного пакета и промахнулась, Димка уже снова лез на помост.

Лера кивнула на его рюкзак.

— Клади. А то стоишь как проверяющий.

— Я оцениваю обстановку.

— Оценил?

— Нарушений много.

— Придётся закрыть глаза.

Он снял рюкзак и положил рядом с Лериным. Книга стукнула о бутылку воды, под ней мягко сдвинулось полотенце. Миша присел, будто завязывает шнурок, и незаметно расстегнул рюкзак. Полотенце было на месте. Теперь это уже было не «если вдруг». Это было «когда».

Димка с помоста крикнул:

— Кто последний до воды — тот дурак!

И сорвался первым.

Санька бросил магнитофон Ксюхе, та возмутилась, но тоже вскочила. Двое пацанов, которых Миша до этого не заметил, с криком понеслись за ними. Всё произошло так быстро, будто команда была не словами, а спичкой, брошенной в сухую траву.

Миша не побежал.

Он даже не успел сделать вид, что не хотел. Просто остался на месте, чувствуя, как тело само замерло раньше мысли.

Лера сделала шаг за остальными, потом оглянулась. На секунду её взгляд задержался на нём — быстрый, совсем не жалостливый. Скорее внимательный.

— Эй! — крикнула она вслед Димке. — Он у нас не по дуракам, он по царям!

— Тогда пусть царь идёт медленно! — отозвался Димка и прыгнул в воду.

— Видишь? — сказала Лера Мише. — Тебе сразу должность нашили.

— Очень почётно.

— Не жалуйся. Могли назначить министром полотенец.

Она сказала это, и сама посмотрела на его рюкзак. Миша почувствовал, что краснеет.

— Не надо так радоваться своей проницательности, — сказал он.

— А я не радуюсь. Я вообще сдержанная.

Ксюха, уже у воды, обернулась:

— Лер, ты идёшь или будешь профессора оформлять в музей?

— Иду!

Лера стащила майку через голову — под ней был закрытый тёмный купальник — и бросила майку на рюкзак. Сделала это так спокойно, что Миша сразу отвёл глаза, хотя смотреть вроде бы было не на что. Просто все вокруг были слишком свободны со своими телами. Снимали одежду, смеялись, бежали босиком по горячей земле, морщились от веток, орали, когда ступали на корень.

Миша достал полотенце. Потом снял футболку, быстро, почти сердито, будто это была техническая необходимость. Остаться в шортах было можно: они вполне годились для воды. Он заранее об этом думал. Конечно, не специально. Просто так вышло.

Лера заметила.

— Подготовился?

— Случайно.

— У тебя всё важное случайно.

— А у тебя всё важное с разбега.

— Зато не скучно.

Они пошли к воде.

Песок у берега был горячий сверху и влажный ниже. Между пальцами попадались мелкие камешки и сухие иголки. Миша шёл осторожно, выбирая, куда ставить ногу. Лера шла рядом, но на полшага впереди. Как всегда.

Вода коснулась ступней холодно и сразу.

Миша остановился.

— Ну? — спросила Лера.

— Нормальная.

— Ты даже соврать не можешь убедительно.

— Я не вру.

— У тебя лицо человека, который сейчас напишет жалобу на температуру.

Он сделал ещё шаг. Вода поднялась до щиколоток, потом до середины голени. На дне была мягкая тина, неприятная сначала, потом почти терпимая. От берега пахло водорослями, мокрым деревом и нагретой кожей. С помоста снова кто-то прыгнул, волна дошла до них маленьким толчком.

Сердце билось быстрее.

Не страшно. Просто быстрее.

Миша заставил себя не прикладывать пальцы к запястью. Не сейчас. Не при ней. Не среди всех этих людей, для которых тело было чем-то простым и шумным.

Лера зашла уже по пояс и обернулась.

— Всё, московский способ пошёл.

— Какой?

— Стоять и делать вид, что это научный эксперимент.

— Это и есть научный эксперимент.

— Тогда записывай: вода мокрая.

И она плеснула в него.

Холод ударил в грудь. Миша резко вдохнул, хотел возмутиться, но Лера уже отплыла на пару метров и смеялась, запрокинув мокрую голову.

— Ты ненормальная, — сказал он.

— Это ты ещё не видел Димку после лимонада.

— Не уверен, что хочу.

— Поздно. Ты уже в нашей зоне бедствия.

Он сделал ещё шаг, потом ещё. Вода дошла до пояса, до груди. Тело сначала сопротивлялось, сжималось от холода, потом вдруг привыкло. Дно ушло ниже. Миша оттолкнулся ногами и поплыл.

Не быстро.

Не далеко.

Просто поплыл.

Сначала он считал движения: раз, два, вдох; раз, два, вдох. Потом перестал. Вода держала. Руки входили в неё мягко, без удара. Солнце разбивалось на поверхности на мелкие белые осколки. Где-то сбоку кричал Димка, Ксюха ругалась на Саньку за магнитофон, Лера плыла рядом неровно, то ускоряясь, то почти ложась на воду.

Миша вдруг понял, что несколько секунд не думал о сердце.

Не проверял, не прислушивался, не прикидывал расстояние до берега.

Просто был в воде.

Это открытие оказалось таким неожиданным, что он чуть сбился с ритма и сразу вернул контроль. Развернулся, поплыл обратно к месту, где мог достать ногами. Всё нормально. Дыхание нормальное. Сердце быстрое, но ровное. Руки не дрожат.

Он встал на дно.

Лера подплыла к нему и стряхнула воду с лица.

- Ну? Жив?
- А ты сомневалась?
- А что, нельзя? — Она улыбнулась. — Вода как?
- Вода нормальная.
- Ого. Уже не просто мокрая?
- Не зазнавайся.
- Поздно.

Димка проплыл мимо, подняв волну.

- Профессор, нырять умеешь?
- Умею.
- А чего не ныряешь?
- Сохраняю интригу.
- Он точно из Москвы, — сказал Димка Лере. — У нас так никто не отвечает.
- Вот поэтому я его и привела, — сказала Лера. — Для культурного разнообразия.

Миша хотел спросить: «То есть ты меня привела?» — но не спросил. Потому что глупо было цепляться к словам, когда вода блестела вокруг, солнце грело мокрые плечи, а он стоял здесь, среди всех, и никто не смотрел на него как на больного.

Это было почти невозможно.

И очень хорошо.

Через несколько минут он сам вышел к берегу. Не потому что стало плохо. Просто решил не делать лишнего. Это было важное уточнение, которое он тут же произнёс про себя: не потому, что не может, а потому что не надо.

На берегу он взял полотенце и растёр волосы. Сел в тени под сосной, там, где земля была покрыта сухими иголками и прохладнее, чем у воды. Только когда Лера отвернулась, он всё-таки положил два пальца на запястье.

Пульс был частый.

Ровный.

Он выдохнул.

— Считаешь, сколько осталось до превращения в рыбу?

Миша поднял голову.

Лера стояла рядом, мокрая, с прилипшими к щекам волосами. Она видела жест. Конечно, видела. Но смотрела не испуганно и не жалостливо. Просто внимательно.

— До рыбы далеко, — сказал он. — Пока только жабры намечаются.

— Тогда нормально.

Она села рядом, не слишком близко, но и не далеко. От неё пахло водой и солнцем. За их спинами хрипел магнитофон, кто-то спорил, кому теперь идти за лимонадом, Димка снова орал с помоста, что сейчас прыгнет «самым главным прыжком лета».

Лера протянула руку к его полотенцу.

- Дай край.
- У тебя своего нет?
- Есть. Но оно там, а это здесь.
- Железная логика.
- Рабочая.

Миша отдал ей край полотенца. Она вытерла лицо, потом бросила полотенце ему обратно.

— Всё, хватит стоять и изображать памятник осторожности, — сказала она. — Сейчас посидим, и снова в воду.

- Я не изображаю.
- Тогда плохо получается само.

Он хотел ответить, но не стал. Сидеть рядом оказалось неожиданно спокойно. Не опасно — безопасно было у бабушки на кухне, с таблетками на блюде и словами «не бегай». Здесь было другое.

Тревожно.

Шумно.

Живо.

И он пока не хотел уходить.

Миша пытался сушить волосы так, чтобы это не выглядело слишком аккуратно.

Получалось плохо.

Он сначала провёл полотенцем по голове, потом понял, что делает это как после душа дома, слишком тщательно, и сразу бросил полотенце на колени. Лера заметила, конечно. Она вообще замечала всё, что ему хотелось бы оставить незамеченным.

— У вас в Москве даже голову вытирают по плану? — спросила она.

— Да. Сначала левая сторона, потом правая.

— А макушку по праздникам?

— Только по согласованию с управой.

Лера фыркнула и вытянула ноги. На ступнях у неё прилипли сосновые иголки, но она не обращала внимания. Сидела спиной к стволу, ковыряла пальцем застывшую каплю смолы на коре и время от времени поглядывала на воду, будто проверяла, не исчезло ли озеро, пока они тут разговаривают.

За их спинами хрипел магнитофон. Санька опять что-то в нём подкручивал, Ксюха ругалась, что от его ремонта звук становится только хуже. Димка с помоста орал, что сейчас прыгнет «бомбочкой века», и кто-то лениво отвечал ему, что прошлую «бомбочку века» он уже обещал десять минут назад.

Вода блестела сквозь ветки. От неё тянуло прохладой, от земли — сухой хвоей, пылью и нагретыми корнями. Мокрые полотенца висели на ветках, как флаги какой-то очень маленькой и очень счастливой страны.

— А у вас там, в Москве, куда летом ходят? — спросила Лера.

— Куда отправят.

— Скучно.

— Зато честно.

— А сам?

— Во двор. В парк иногда. В кино. Если деньги есть.

— А купаться?

— В Москве-реке? Спасибо.

— Зажрался.

— Просто хочу выжить.

— Тоже аргумент.

Она отковырнула кусочек смолы, понюхала палец и тут же поморщилась.

— Фу.

— Зачем нюхала?

— Чтобы узнать.

— И как?

— Узнала.

Миша усмехнулся.

Лера вытерла палец о траву, потом взяла пакет с семечками, который, кажется, появлялся у неё из воздуха, и протянула ему.

— Будешь?

— Не люблю с шелухой.

Она посмотрела на него с настоящим недоумением.

— Семечки?

— Ну да.

— Ты серьёзно?

— В Москве чищенные покупаем.

— Я так и знала.

Она насыпала немного семечек ему на ладонь.

— Смотри. Кладёшь, щёлкаешь, выплёвываешь. Только не давайся, профессор, а то будет глупая смерть.

— Спасибо за заботу.

— Это не забота. Это техника безопасности.

Он попробовал. Семечка треснула неправильно, шелуха расплзлась во рту, ядро потерялось.

Лера смотрела с таким выражением, будто перед ней происходил редкий научный опыт.

— Ужас, — сказала она.

— Зато я знаю про опричнину.

— Сомнительная замена.

— У каждого свои сильные стороны.

— А слабые?

Он хотел ответить колкостью, но почему-то не стал.

Слабых сторон было слишком много, и все они сидели рядом с ним под сосной: дорога, вода, пульс, усталость, рюкзак с бутылкой, полотенце на коленях, желание снова зайти в озеро и понимание, что лучше бы посидеть.

Лера тоже не стала развивать. Она бросила горсть шелухи в траву и сказала:

— Я в Сергиевом семечки тоже не ем.

— Почему?

— Там нельзя просто сидеть и есть семечки.

— Кто запретил?

— Никто. В том-то и дело. Никто не запрещает, но все смотрят так, будто уже записали.

— Что записали?

— Всё. Как сидишь, с кем сидишь, во сколько пришла, почему волосы мокрые, почему майка грязная, почему опять колено разбито. У нас двор такой. И школа такая. И мама такая иногда.

Она говорила легко, будто жаловалась не всерьёз. Но Миша услышал, что не совсем.

— А здесь?

— Здесь меня тоже знают. Но меньше. И хуже.

— Это плюс?

— Конечно. Когда тебя плохо знают, можно быть кем угодно.

— Например?

— Быстрой. Громкой. Невоспитанной. Нормальной.

— Невоспитанная и нормальная — это одно и то же?

— Смотря кто оценивает.

Она снова посмотрела на воду. Димка прыгнул наконец своей «бомбочкой века», поднял волну и восторженный мат с соседнего края помоста.

— Тётка ворчит, — сказала Лера. — Но тётка ворчит на всё. На погоду, на соседку, на цены, на то, что арбуз большой, на то, что маленький. Её ворчание можно пережить.

— А дома нельзя?

— Дома всё серьезнее. Там если тебе сказали «ты же девочка», значит, дальше будет длинно.

Миша кивнул.

— Мне говорят: «тебе же нельзя».

Лера повернула голову.

— Что нельзя?

Он пожал плечами.

— Разное.

— Бегать?

Она сказала это просто. Уже не как у киоска, не как шутку через плечо. Просто вспомнила.

Миша взял семечку, повертел в пальцах и положил обратно на ладонь.

— Бегать. Перегружаться. Волноваться. Жить неправильно.

— Жить неправильно всем нельзя.

— Мне особенно.

Лера не улыбнулась. И не сказала: «почему?» — за что он был ей почти благодарен.

— Из-за сердца? — спросила она после паузы.

Слова прозвучали тихо, но не страшно. Будто она спросила не про диагноз, а про вещь, которую он сам держит в руке и всё равно прячет.

— Оно не любит подвигов, — сказал Миша.

— А ты любишь?

— Я люблю, когда мне не объясняют заранее, что я не справлюсь.

Лера посмотрела на него внимательнее. На этот раз без прищура, без игры. Потом кивнула, будто ответ был не полный, но достаточный.

— Понятно.

— Ничего тебе не понятно.

— Ну и ладно.

Это было странно. Обычно взрослые после такого начинали выяснять. Что именно, как давно, что сказал врач, можно ли купаться, а если нельзя, то зачем он полез. Лера не стала. Она просто сидела рядом и щёлкала семечки. Неровно, быстро, иногда промахиваясь шелухой мимо ладони.

— Ты поэтому всё время считаешь? — спросила она вдруг.

— Что считаю?

— Не знаю. Тень. Шаги. Где сесть. Ты думаешь, я не вижу?

Миша почувствовал, как внутри опять всё сжалось.

— Наблюдательная.

— Я же говорила.

— И что?

— Ничего.

— Если ничего, зачем сказала?

Лера пожала плечами.

— Чтобы ты знал, что я заметила. И что мне не обязательно делать из этого цирк.

Он не нашёлся, что ответить.

Ксюха крикнула с берега:

— Лерка! Вы там философский кружок открыли? Иди сюда!

— Сейчас! — отозвалась Лера, но не встала сразу.

Это тоже было новым.

Обычно она вскакивала сразу, как будто любое движение уже начиналось до неё. Теперь она ещё несколько секунд сидела рядом, ковыряла кору и смотрела на озеро.

— Тебя зовут, — сказал Миша.

— Слышу.

- Иди.
- А ты?
- Я посижу.
- Умничать будешь?
- Отдыхать.
- Серьёзное заявление.

Она поднялась, отряхнула шорты от иголок, сделала шаг и остановилась.

- Ты идёшь или тут будешь умничать?
- Ты же сказала, что меня зовут не туда.
- Я передумала.
- Быстро.
- Я вообще быстрая.

Он мог остаться. Даже должен был, наверное. Сердце уже успокоилось, но в теле была усталость от дороги, воды, людей, солнца. Самым разумным было посидеть ещё десять минут в тени.

Миша встал.

- Иду.
- Вот. Поддаёшься воспитанию.
- Плохому.
- Зато весёлому.

Они пошли к воде.

Лера сначала шла, потом, услышав Димкин крик «кто первый до помоста», сорвалась с места — не совсем бегом, но быстрым, лёгким шагом по горячей земле. Ксюха уже махала ей рукой. Санька стоял у края воды, держа магнитофон под мышкой и вопя, что он «с техникой в воду не полезет, он не самоубийца».

- Лер, давай! — крикнул Димка. — Последняя!
- Сам ты последний!

Лера рассмеялась, повернулась на ходу к Мише:

- Не тормози, профессор!

И именно в этот момент споткнулась.

О тот самый корень.

Корень выпирал у берега, гладкий, серый, натёртый множеством босых ног. Лера рассказывала о нём десять минут назад так уверенно, будто только дурак мог попасться. Она зацепилась носком, нелепо взмахнула руками и упала на бок, больше сердито, чем страшно. Песок взлетел, кто-то ойкнул, Димка заржал первым.

- Лерка! Корень победил!
- Заткнись! — крикнула она, ещё не встав.

Ксюха тоже смеялась, но уже шла к ней.

Миша оказался рядом раньше, чем успел подумать. Не бегом. Он не побежал. Но подошёл быстро — настолько быстро, что сам это заметил.

- Нормально? — спросил он.
- Прекрасно, — сказала Лера сквозь зубы. — Я всегда так отдыхаю.

Она села, отряхнула ладонь и тут же поморщилась. На коже была ссадина — не глубокая, но песок прилип к мокрой царапине. Колено тоже ободралось, поверх старой царапины появилась новая, ярче.

- Кровь! — радостно сообщил Димка.
- Спасибо, врач, — сказала Ксюха. — Без тебя не заметили бы.

Лера попыталась встать.

- Сиди, — сказал Миша.

Она резко посмотрела на него.

— Чего?

Он сам удивился своему тону. Не приказному даже, а спокойному и уверенному — такому, каким бабушка иногда говорила ему: сначала вода, потом таблетки, не вскакивай.

— Песок надо смыть, — сказал он уже мягче. — А то будет щипать.

— И что?

— И всё. Сиди.

Ксюха подняла брови, но ничего не сказала. Только усмехнулась и ушла обратно к воде, будто решила, что тут стало интереснее без неё.

Лера фыркнула.

— Ты всегда такой строгий, когда люди падают?

— Только когда падают неправильно.

— А правильно — это как?

— Не на песок.

Он снял с плеча рюкзак, достал бутылку воды. Бабушкину. Ту самую, которую не хотел замечать. Отвинтил крышку.

— Руку.

— Я сама.

— Тогда сама.

Он протянул ей бутылку. Лера взяла, попыталась полить на ладонь, пролила больше на ногу и выругалась себе под нос.

Миша молча забрал бутылку обратно.

— Руку, — повторил он.

Она на секунду упрямо сжала пальцы, потом всё-таки протянула ладонь.

Миша лил воду медленно. Песок сходил не сразу, собирался тёмными крупинками у края ссадины. Лера морщилась, но руку не отдёргивала. Он достал из рюкзака чистый носовой платок — бабушка положила утром, конечно, тоже «на всякий случай», — намочил угол и осторожно провёл вокруг царапины.

— У тебя даже помощь с тормозами, — сказала Лера.

Но сказала не зло.

— Зато без осложнений.

— Слово-то какое. Осложнения.

— Очень полезное слово.

— Для профессора?

— Для живого человека.

Она замолчала.

На секунду вокруг стало особенно слышно озеро: плеск, крики, магнитофон, шуршание хвои под чужими ногами. Миша видел только её ладонь, мокрую, в песке, с тонкой красной полосой. И свою руку, которая держала платок спокойно. Не дрожала. Не торопилась.

Странно: осторожность, из-за которой он обычно чувствовал себя слабым, сейчас оказалась нужной.

Лера тоже, кажется, это почувствовала. Она смотрела уже не на воду и не на Димку, а на его пальцы.

— Всё, — сказал Миша. — Жить будешь.

— Обидно. Я уже приготовилась к памятнику.

— Памятник осторожности занят мной.

— Тогда мне какой?

— Корню-победителю.

Она прыснула, хотя явно старалась не смеяться.

— Иди ты.

— Это благодарность?

— Это почти.

Он закрутил бутылку, убрал платок в отдельный карман рюкзака. Потом посмотрел на колено.

— Там тоже надо смыть.

— Там само.

— Песок не само.

— Миша.

Он поднял руки.

— Всё. Молчу. Твои осложнения — твоё дело.

— Вот именно.

Она всё-таки плеснула водой на колено, поморщилась, потом встала. Сначала резко, как обычно, но тут же перенесла вес на другую ногу. Почти незаметно. Почти.

— Видишь? — сказала она громко, обращаясь уже ко всем. — Ничего не было.

— Было! — крикнул Димка. — Корень напал!

— Корень сам напал, — сказал Миша.

Лера посмотрела на него и рассмеялась.

Не громко, не для всех. Для него.

— Вот, — сказала она. — Уже учишься.

— Чему?

— Правильно объяснять очевидное.

Она отдала ему бутылку и пошла к воде. На этот раз не побежала. Просто пошла быстро, прихрамывая совсем чуть-чуть и делая вид, что не прихрамывает.

Миша закинул рюкзак на плечо и двинулся следом.

Он устал сильнее, чем хотел признавать. Солнце поднялось выше, шум стал гуще, в голове чуть звенело от воды, смеха и всего этого лета. По-хорошему, надо было уже думать о дороге назад.

Он посмотрел на Леру.

Она стояла у воды, мокрая, взъерошенная, с ободранной ладонью, злая на корень и всё равно счастливая.

Домой он точно вернётся позже, чем планировал.

Обратно они пошли не сразу.

Сначала Лера всё-таки ещё раз полезла в воду — «ненадолго», как она сказала, и пропала там минут на двадцать. Потом Димка притащил откуда-то тёплый лимонад в большой пластиковой бутылке, все пили по очереди из горлышка, Ксюха ругалась, что это негигиенично, но пила тоже. Санька снова чинил магнитофон, теперь уже с видом человека, который не ремонтирует технику, а ведёт с ней трудные переговоры.

Миша сидел под сосной, ел семечки, которые всё ещё не умел щёлкать нормально, и время от времени смотрел на дорогу.

Он понимал, что уже поздно.

Не катастрофически поздно. Не так, чтобы бабушка вызвала милицию, скорую и весь двор. Но достаточно, чтобы на кухне стояла тишина, а на столе — таблетки, которые ждали его с укором.

— Тебя дома съедят? — спросила Лера, плюхнувшись рядом на траву.

Волосы у неё были мокрые, ладонь с ссадиной подсохла и покрылась тонкой тёмной корочкой. Колено тоже выглядело так, будто Лера сегодня спорила не только с водой, но и с землёй.

— Не целиком, — сказал Миша. — Сначала допросят.

— Скажешь, что попал в плен к местным.

— Боюсь, это не смягчит приговор.

— Тогда скажи правду.

Он посмотрел на неё.

— Какую?

— Что был на озере.

— Очень новаторская идея.

— А что? Ты же был.

— Логично.

— Я вообще логичная.

— Особенно когда покупаешь арбуз размером с ребёнка.

— Это была стратегическая закупка.

Он усмехнулся, но почти сразу снова посмотрел на дорогу.

Лера заметила.

— Идём, — сказала она.

— Ты же хотела ещё купаться.

— Я передумала.

— Быстро.

— Я же говорила.

Она встала, отряхнула шорты, поморщилась от колена и тут же сделала вид, что не поморщилась. Миша тоже поднялся. Рюкзак оказался тяжелее, чем утром: книга, бутылка, мокрое полотенце, платок в отдельном кармане. И ещё что-то невидимое, но осязаемое — весь этот день, который теперь надо было донести до бабушкиной квартиры.

Дорога назад была пыльной и длинной.

Солнце уже пошло вниз, но жара не ушла. Она лежала на улицах, на заборах, на рельсах, на крышах старых «Жигулей». От Миши пахло водой, тиной, сосной и нагретой кожей. Рюкзак бил по спине влажным углом. В кроссовках скрипел песок.

Лера шла рядом. Не впереди, как утром, а рядом. Иногда всё равно ускорялась, потом будто вспоминала и сбрасывала шаг. Не спрашивала, устал ли он. Не говорила: «Давай посидим». Просто делала дорогу такой, чтобы по ней можно было идти.

У вокзала они остановились.

— Мне туда, — сказала она, кивнув в сторону улицы, уходящей от площади.

— А мне туда.

— Знаю.

— Ты всё знаешь?

— Почти.

— Опасное слово.

Она улыбнулась.

— Завтра у киоска?

Миша хотел сказать: «Посмотрим». Хотел оставить себе возможность отступить, хоть какую-то. Но после озера это прозвучало бы глупо.

— У киоска, — сказал он.

— Только не опаздывай. А то ванильное опять кто-нибудь спасёт без тебя.

— Теперь это моя обязанность?

— Конечно. Ты же начал.

Она развернулась и пошла. Через несколько шагов обернулась:

— И не забудь книгу. Вдруг мне опять захочется испортить экскурсию.

— На озере книги не нужны.

— Это сегодня не нужны. Завтра посмотрим.

Она ушла, прихрамывая совсем чуть-чуть и всё равно быстро.

Домой Миша шёл один.

У подъезда старухи на лавочке проводили его взглядами так выразительно, будто он вернулся не с озера, а из другой страны.

— Нагулялся, — сказала одна.

Не спросила. Сообщила.

— Угу, — сказал Миша.

— Анна Петровна ждёт.

— Я понял.

— Старшим не груби.

Миша не стал отвечать. Поднялся на третий этаж. На лестнице было душно, пахло пылью, варёной картошкой и мокрой тряпкой. Сердце билось ровно, но сильнее, чем дома утром. Он остановился перед дверью на секунду, не потому что стало плохо, а потому что надо было собраться.

Потом позвонил.

Бабушка открыла почти сразу.

Она не сказала «руки мой».

Сначала просто посмотрела.

На волосы. На лицо, которое наверняка успело загореть. На рюкзак. На кроссовки, с которых на коврик осыпалась пыль и мелкий песок.

— Пришёл, — сказала она.

— Пришёл.

— Разувайся.

Он разулся. Песок снова посыпался на коврик. Бабушка посмотрела на него, потом подняла глаза на Мишу.

— Рюкзак дай.

— Ба...

— Я не ругаюсь. Дай.

Он снял рюкзак и протянул ей. Она взяла его двумя руками, как утром взвешивала сумку на вокзале, но теперь ничего не сказала. Только расстегнула молнию, достала книгу, бутылку, потом влажное полотенце.

Полотенце было тёплым, сырым и пахло озером.

Бабушка держала его несколько секунд.

Миша смотрел на её руки.

— Ходил к Дичковскому, — сказал он.

Она молчала.

Дольше, чем обычно.

Из кухни доносился телевизор — тихий мужской голос рассказывал новости, потом включилась какая-то бодрая заставка. В открытое окно тянуло вечерним двором: пылью, жарой, чужим ужином, далёкой музыкой.

— Я не бегал, — сказал Миша.

Бабушка подняла на него глаза.

— Ты думаешь, дело только в этом?

— Ты сама говорила.

— Я много чего говорила.

— Ба, я ходил. Купался. Сидел. Всё нормально.

— Сегодня нормально.

— Вот именно.

— Нет, Миша. Не именно.

Она аккуратно положила полотенце на спинку стула в прихожей. Не бросила. Не сжала. Просто положила. От этого стало хуже.

— Иногда достаточно одного раза, — сказала она.

Он почувствовал, как раздражение поднимается почти сразу. Горячее, быстрое. Не из-за фразы даже — из-за того, что счастливый день снова пытались превратить в медицинский случай.

— Для чего достаточно?

— Чтобы пожалеть.

— Я не жалею.

— Пока не жалеешь.

— Опять «пока».

Бабушка закрыла рюкзак.

— Руки мой. Потом ужин. Таблетки на столе.

Вот теперь всё вернулось на привычные места. Руки, ужин, таблетки, стол.

На кухне было душно. На столе стояли кабачки, хлеб, чай и маленькое блюдо. Телевизор показывал новости, но звук был убавлен. Бабушка поставила перед ним тарелку. Сама села напротив, не сняв очков, хотя читать было нечего.

— С кем был? — спросила она.

— С Лерой. И ещё ребята там были.

— Какие ребята?

— Обычные.

— Обычные — это не ответ.

— Ба, нормальные ребята. Местные. Димка, Ксюха, Санька.

— Санька, — повторила она так, будто имя само по себе было подозрительным.

— Он магнитофон чинит.

— Это должно меня успокоить?

— Не знаю. Меня немного успокоило.

Бабушка посмотрела строго, но не удержалась — уголок рта едва дрогнул. Потом снова стала серьёзной.

— Миша, я не могу ходить за тобой по всему городу.

— И не надо.

— Значит, ты должен говорить, куда идёшь.

— Я сказал бы, ты бы не пустила.

— Может быть.

— Вот.

— Это не «вот». Это как раз причина говорить.

Он молчал.

— Я не запрещаю тебе дружить, — сказала бабушка после паузы. — И гулять не запрещаю.

— Только озеро, вода, солнце, бег, жара и всё интересное.

— Всё опасное.

— Для тебя всё опасное.

— Для тебя не всё безопасное.

Он хотел ответить резче, но усталость вдруг догнала его целиком. В руках была тяжесть, в ногах — дорога, в голове — озеро, шум, Лера, корень, вода, смех. Ссориться сил уже не было.

— Я правда не бегал, — сказал он тише.

Бабушка посмотрела на него. Уже не строго.

— Я верю.

Это почему-то оказалось неожиданно.

— Тогда...

— Но ты устал. И я вижу.

Он опустил глаза.

— Я нормально.

— Я знаю твоё «нормально».

Он взял таблетку, запил водой. Не стал спорить. Бабушка заметила и это.

— Если уж идёшь, — сказала она, — говори куда. И не бегай.

— Я же сказал: не бегал.

Они посмотрели друг на друга.

И оба поняли, что говорят о разном.

На следующий день он всё равно проснулся рано.

Книга про Грозного лежала на столе, но Миша не сразу взял её в руки. Сначала посмотрел на полотенце, которое за ночь высохло на спинке стула. Потом на рюкзак. Потом на карту.

День уже начинался не с вопроса, выйдет ли он из дома.

А с вопроса, во сколько он окажется у киоска.

Через несколько дней это перестало быть событием и стало маршрутом.

У киоска продавщица уже не спрашивала каждый раз, воды ему или пломбир. Иногда просто открывала морозильник и говорила:

— Смотри сам, что осталось.

Лера появлялась то раньше, то позже. Иногда сидела на бортике с мелом. Иногда приходила с семечками. Один раз явилась с огромным огурцом, надкусанным с одного конца, и сказала:

— Завтрак чемпионов.

— Чемпионов чего?

— Выживания у тётки.

Они шли к озеру через вокзал, через переход, через частный сектор. Миша уже знал, где нужно свернуть, у какого забора не подходить близко, где хозяин хуже собаки, где продавщица у «Продуктов» сидит на табуретке и обмахивается картонкой, где тень появляется раньше всего.

— Почти местный, — сказала Лера однажды, когда он сам повернул к тропинке между заборами.

— Не оскорбляй.

— Это комплимент.

— Для кого?

— Для тебя.

Он шёл уже легче. Не быстро — нет. Он не становился другим человеком за три дня. Дорога всё равно была длинной, жара всё равно цеплялась к спине, а сердце всё равно оставалось сердцем. Но теперь он знал, где можно сбросить шаг так, чтобы это выглядело естественно. Где Лера сама замедлится, потому что «скучный участок». Где можно купить воду, если бабушкиной не хватит. Где начинается запах сосен.

На озере он больше не стоял у края тени, как человек, который пришёл проверять чужое счастье. Снимал рюкзак, доставал полотенце, заходил в воду осторожно, но без прежней неловкой торжественности. Димка всё равно орал:

— Профессор, давай с помоста!

Миша всё равно отвечал:

— Я выше этого.

Ксюха говорила:

— Нет, ты ниже. Помост выше.

Санька спорил с магнитофоном, магнитофон проигрывал не всегда.

Иногда они уходили не на озеро, а к Серой. Там было теснее, мельче, больше камней и мокрых подростков у стен слободы. Лера показывала, где лучше сидеть, чтобы не выгнали взрослые, а Миша рассказывал ей что-нибудь про Грозного, бояр или царевичей. Лера слушала минуту, потом обязательно перевирала:

— То есть царь приехал в Александров, потому что в Москве все надоели?

— Примерно, но так нельзя говорить.

— Но по смыслу?

— По смыслу ты сейчас оскорбляешь историческую науку.

— Она переживёт.

Он возмущался, она смеялась. Иногда он понимал, что специально рассказывает так, чтобы она перебила.

Вечером он возвращался домой всё позже.

Не намного. Ровно настолько, чтобы бабушка успевала заметить. На кухне его ждали ужин, таблетки и вопросы. Бабушка ворчала, что он опять загорел, что полотенце надо сразу вешать, что в мокрых волосах нельзя сидеть у окна, что вода в бутылке опять не допита.

Но Леру она не ругала.

Это Миша заметил не сразу.

Однажды бабушка спросила:

— Она хоть смотрит, куда идёт?

— Кто?

— Лера твоя.

— Она не моя.

— Я не про собственность.

— Смотрит. Иногда.

— Плохо.

— Ба, если бы ты с ней познакомилась, ты бы ей тоже сказала «не бегай».

— Сказала бы.

— Она бы не послушала.

— Я заметила.

Миша хотел спросить: «Что ты заметила?» — но не стал. Бабушка поставила перед ним чай и подвинула таблетки.

Дни повторялись, но не становились одинаковыми.

То Димка спорил, что переплывёт до середины и обратно, и Ксюха кричала, что он сначала пусть научится не тонуть в луже. То Санька приносил новую кассету, записанную с радио, где песни обрывались на середине припева из-за голоса ведущего. То Лера исчезала за деревьями и возвращалась с добычей: яблоками, которые «сами лежали», или горстью малины, или гроздью спелой смородины и новостью, что завтра тётка уходит на рынок и значит, можно встретиться раньше.

Книга про Грозного всё реже оказывалась в рюкзаке.

Сначала Миша просто забывал её на столе. Потом понял, что забывает нарочно. Потом перестал объяснять себе, зачем идёт.

Он шёл не к слободе.

Не к озеру.

Не за водой.

Не за пломбиром.

Он шёл туда, где будет Лера.

И это было гораздо опаснее, чем признать, что он собирается купаться.

Однажды, уже ближе к вечеру, когда они возвращались от Серой к киоску, Лера вдруг свернула не к обычной улице, а в сторону узкой тропинки за старыми гаражами.

— Ты куда? — спросил Миша.

— Покажу кое-что.

— Опять правильный путь?

— Нет. Правильное место.

— На озере?

— Почти.

— У тебя опасные отношения со словом «почти».

Она оглянулась и улыбнулась. Не так, как у киоска, когда ловила его на лишнем пломбире. И не так, как на озере, когда звала в воду. Спокойнее.

— Туда я не всех вожу.

Миша остановился на секунду.

Он хотел сказать что-нибудь колкое. Например, что для экскурсии надо купить билет. Но слова почему-то не пришли.

Лера уже шла впереди по тропинке, в пыли оставались лёгкие следы от её сандалий.

И впервые ему показалось, что она ведёт его не просто потому, что он приезжий и не знает дороги.

Тропинка за гаражами сначала не обещала ничего особенного.

Слева тянулись ржавые ворота, на которых мелом было написано что-то неприличное и почти стёртое. Справа росла высокая трава, в ней стрекотали кузнечики и валялась пластиковая бутылка без крышки. Под ногами пылили мелкие камешки, пахло сухой землёй, железом, нагретой краской и где-то совсем рядом — водой.

— Красиво, — сказал Миша. — Очень романтичные гаражи.

— Ты ещё не дошёл.

— А, то есть романтика дальше?

— Дальше меньше мусора.

— Уже интригует.

Лера шла впереди, но не торопилась. Это было страннее всего. Обычно она двигалась так, будто весь мир чуть опаздывает за ней. Сейчас шла ровно, почти спокойно, иногда сбивала с дороги сухие ветки носком сандалии и молчала.

Тропинка вывела их к озеру не с того шумного берега, где были помост, Димка, Ксюха, Санька и вечная война с магнитофоном. Здесь вода открывалась сбоку, через сосны. Берег был неровный, корни выходили из земли, спускались к воде и местами уходили прямо в неё, как будто деревья тоже хотели купаться, только передумали на полпути.

Людей почти не было. Дальше, за поворотом, слышались крики с основного пляжа, смех и хрипая музыка. Но здесь всё это звучало приглушённо, будто кто-то накрыл озеро ладонью и оставил им маленький тихий кусок.

На траве у корней лежала старая пластиковая бутылка из-под лимонада. Рядом — обёртка от мороженого. Никакой тайны. Никакого сказочного места. Просто берег, куда редко доходили те, кому было достаточно помоста.

Лера села на корень, сняла сандалии и опустила босые ступни почти к воде.

— Вот, — сказала она. — Правильное место.

Миша сел рядом, но не слишком близко. Тоже снял кроссовки. Носки были в пыли, один с мокрым пятном у пятки. Он быстро стянул их и положил в кроссовки, чтобы выглядело не так позорно.

Лера, конечно, заметила.

— У тебя даже носки стесняются.

— Они не стесняются. Они сохнут.

— Умные носки.

— Московские.

— Тогда понятно.

Она подняла с земли маленький камешек и бросила в воду. Камешек плюхнулся совсем близко, даже без попытки подпрыгнуть.

— Не умеешь, — сказал Миша.

— И что?

— Ничего. Просто наблюдение.

— Осторожнее. Наблюдение — это уже почти признание.

Он усмехнулся. Фраза была старая, киосковая, но здесь прозвучала иначе. Тише.

Лера взяла другой камешек, повертела в пальцах и не бросила.

— Я сюда иногда ухожу, — сказала она. — Когда там слишком все.

— Где там?

— Везде. На пляже. У тётки. Дома. В голове.

Миша посмотрел на воду. У корней она была тёмная, с зелёными нитями травы. Дальше блестела ровнее, спокойнее. На основном берегу кто-то крикнул: «Димка, не дури!» — и сразу стало ясно, что Димка всё-таки дурит.

— Ты же любишь, когда шумно, — сказал он.

— Люблю.

— Тогда почему уходишь?

Лера пожала плечами.

— Потому что иногда все думают, что если ты шумная, значит, у тебя внутри тоже всё шумное и простое.

Она сказала это почти небрежно. Но после слов не стала сразу шутить, и от этого они сделались важнее.

— А на самом деле не простое? — спросил Миша.

— Не знаю. Иногда простое. Иногда нет.

— У всех так.

— Вот именно. Но дома у меня есть двоюродная сестра. Она тихая, аккуратная, учится без троек и пьёт чай, не проливая на скатерть. И все почему-то уверены, что это лучший вид человека.

— А ты проливаешь?

— Я просто живу.

— Опасная привычка.

— Очень.

Она бросила камешек. Тот ударился о воду и сразу утонул.

— В Александрове проще, — сказала Лера. — Тут я просто Лерка. Не «будь потише», не «сиди нормально», не «ты же девочка», не «посмотри на Олю». Просто Лерка.

— И это хорошо?

— Это свободно.

Миша провёл рукой по сухим иголкам. Они кололись, цеплялись за пальцы, оставляли на коже тонкие пыльные полоски.

— А ты? — спросила Лера.

— Что я?

— Ты где просто Миша?

Он хотел ответить сразу. Что он и есть просто Миша. Что вопрос глупый. Что философский кружок опять открылся без разрешения.

Но почему-то не ответил.

На воде шевелилась рябь. Солнце стало ниже, и свет уже не бил в глаза, а ложился длинными полосами между соснами. На дальнем берегу кто-то включил магнитофон громче, потом сразу тише.

— Не знаю, — сказал Миша. — У бабушки я в режиме.

— В смысле?

— Таблетки, вода, не перегреться, не устать, не бегать, не волноваться, не забыть, не сделать глупость.

— А дома?

— Дома примерно то же самое, только другими голосами.

Лера молчала.

— Я ненавижу слово «режим», — сказал он. — Оно звучит так, будто жизнь — это санаторий с расписанием. Подъём, завтрак, прогулка, осторожно, ещё осторожнее, не туда, не так, хватит.

— А хочется?

— Не знаю. Чтобы иногда не через стекло.

— Через стекло?

— Ну... — он сам удивился, что сказал это. — Все бегают, кричат, прыгают, делают глупости. А ты вроде рядом, но как будто смотришь из окна. Всё видно, но ничего нельзя.

Лера опустила взгляд на свои ступни у воды. Пошевелила пальцами.

— Со мной тоже через стекло?

Миша не сразу понял, как ответить так, чтобы не получилось слишком прямо.

— С тобой я иногда забываю, что оно есть, — сказал он наконец.

Она повернулась к нему.

— Это сейчас было честно?

— Не уверен.

— Попробуй ещё.

— С тобой я меньше думаю, что нельзя.

Лера перестала улыбаться.

Совсем ненадолго. На секунду. Потом снова подняла камешек, будто он был очень важен.

— Я же не заставляю тебя бегать, — сказала она.

Сказала легко. Почти буднично.

Миша тоже сделал вид, что это просто фраза.

— Пока нет.

— А надо?

— Нет.

— Ну вот.

Она бросила камешек. На этот раз он дважды подпрыгнул по воде и только потом ушёл вниз.

— Видел? — сказала Лера. — Учусь.

— Один успешный случай не делает тебя специалистом.

— Зануда.

— Просто научная честность.

— Ты когда молчишь, с тобой даже нормально.

Миша посмотрел на неё.

Лера смотрела на воду, будто сказала что-то совсем обычное. Только ухо у неё чуть покраснело. Или это был свет. Наверное, свет.

— У тебя тоже бывают удачные минуты, — сказал он.

— Щедро.

— Я сегодня добрый.

— Не привыкай.

Они сидели ещё немного. Не молча совсем: Лера рассказывала, что однажды Ксюха пыталась научить Димку красиво прыгать, а он всё равно прыгнул как мешок картошки; Миша рассказал, что в Москве один раз видел странного человека, который читал газету в метро вверх ногами и делал вид, что так нормально. Разговор снова стал обычным, но обычность уже была другая.

Когда они поднялись, Миша заметил, что сидели они ближе, чем в начале. Не рядом вплотную, нет. Просто расстояние между ними куда-то исчезло, и никто его специально не возвращал.

К киоску они вышли уже в вечернем свете.

Продавщица стояла у морозильника и сердито прижимала крышку ладонью.

— Опять бараклит, зараза, — сказала она то ли им, то ли морозильнику. — До утра бы дожил.

Лера подошла к окошку первой.

— Апломбир есть?

— Ванильного осталось два, — сказала продавщица. — Бери, пока не потёк.

Миша достал деньги раньше, чем успел подумать.

— Давайте оба.

На этот раз он не смутился. Почти.

Продавщица шлёпнула два брусочка на прилавок, взяла деньги и снова прижала крышку морозильника.

Лера смотрела на Мишу с таким видом, будто поймала его на месте преступления, но преступление ей понравилось.

— Ничего себе, — сказала она. — Почти без тормозов.

— Я могу быть быстрым, когда надо.

— Посмотрим.

Слово вышло лёгким. Обычным. Лера уже разворачивала пломбир и, кажется, не вкладывала в него ничего особенного.

А у Миши оно почему-то осталось внутри.

Посмотрим.

Они отошли от киоска в тень. Пломбир быстро таял, бумага липла к пальцам. Лера ела как всегда — сразу, без осторожности. Миша держал свой аккуратнее, но всё равно не успел: белая капля потекла по бумаге к руке.

— Быстрее надо, — сказала Лера.

— Я работаю над этим.

— Плохо работаешь.

Она протянула руку, чтобы показать, как надо завернуть бумагу, и её пальцы на секунду коснулись его пальцев — холодные от пломбира, липкие, живые.

Оба сделали вид, что ничего не произошло.

Лера очень серьёзно поправила бумажку.

— Вот так. А то всё потеряешь.

— Ценный урок.

— Бесплатный.

— Подозрительно.

— Ладно, потом сочтёмся.

Она доела пломбир и смяла обёртку.

— Завтра надо пораньше, — сказала она. — Пока Димка не занял нормальное место и не раскидал везде свои ноги.

— У тебя к его ногам личная неприязнь?

— У всех к ним неприязнь. Они слишком много места занимают.

— Во сколько?

— В десять. Нет, раньше. В половине десятого.

— Это уже почти утро.

— Лето вообще начинается утром, если не тормозить.

— А если тормозить?

— Тогда все нормальные места займут без тебя.

Он посмотрел на неё. На растрёпанные после озера волосы, на ободранное колено, на ссадину на ладони, на прищур от вечернего солнца. Она стояла перед ним с видом человека, который просто обсуждает завтрашний пляж, а на самом деле зачем-то делает следующий день необходимым.

— Только не тормози, — сказала Лера.

— Постараюсь.

— Плохой ответ.

— Почему?

— В нём слишком много места для отступления.

— Тогда приду.

— Вот. Уже лучше.

Она улыбнулась и пошла в свою сторону.

Миша остался у киоска ещё на несколько секунд. В руке была липкая бумажка от пломбира. Во рту — ванильный холод. На пальцах — след от её пальцев, хотя никакого следа, конечно, быть не могло.

Он не думал, что это называется любовью.

Он думал, что завтра надо просто не опоздать.

Бегать он по-прежнему не собирался.

Просто теперь очень хотел успеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.